

Слепой. Тропою белого дьявола

Автор:

Андрей Воронин

Слепой. Тропою белого дьявола

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #36

Кодорское ущелье, боевики и миротворцы... Глеб Сиверов – снова в «горячей точке». Он участвует в операции по задержанию опасного бандита, а затем организует ему... побег. Сиверова считают предателем и дезертиром, его разыскивают и на Кавказе, и в Москве.

В сложную и опасную игру оказывается втянутой жена секретного агента – Ирина Быстрицкая. Ей очень нужна помощь мужа, ей нужно знать хотя бы, что он живой. Но от Глеба нет никаких вестей... Как быть? Кому верить? Ведь предателем часто оказывается тот, кому доверяешь.

Андрей Воронин

Слепой. Тропою белого дьявола

© Составление. Оформление. ООО «Харвест», 2007.

Глава 1

Утро выдалось погожее, солнечное, но в чистом, как слеза, горном воздухе уже чувствовалось дыхание недалеких снежных буранов. Цеплявшаяся за крутые каменистые склоны растительность местами приобрела красно-золотую осеннюю окраску; лес, и без того негустой, сделался совсем прозрачным, на земле пестрел узор опавшей листвы, которая пахла горьковатой прелью. В узкую ложбинку между двумя большими, изъеденными непогодой камнями намело бурых листьев, и эта шуршащая подстилка создавала некое подобие комфорта. Впрочем, человек, занимавший это укрытие на крутом склоне горного ущелья, был не из тех, кто кряхтит и жалуется, отлежав бока. Суровая походная жизнь закалила его тело и дух, солнце и ветер выдубили кожу, сделали его таким же иззубренным, обветренным, твердым и нечувствительным к переменам погоды, как камни, среди которых он затаился.

Порыв холодного осеннего ветра заставил редкую рожицу у него за спиной испуганно зашелестеть и бросил на спину теплого камуфляжного бушлата новую горсть желтых листьев. Один листок, круглый и ярко-желтый, как новая золотая монета, прильнул к окуляру оптического прицела, другой запутался в лохматой, не слишком густой, заметно тронутой проседью бороде. Человек очистил оптику, смахнув листок одним движением коричневого заскорузлого пальца. Солнце еще не поднялось над вершинами Кодорского хребта, и заочневшие от утреннего холодка пальцы двигались неохотно. Человек несколько раз сжал и разжал кулак, подышал на пальцы и спрятал их за пазуху. Он знал, что солнце доберется до его укрытия только через пару часов, когда его тут уже не будет. И это было не так уж плохо: по крайней мере, он мог не опасаться, что его выдаст предательский блеск отраженного линзой прицела солнечного луча.

Обмотанная для маскировки лохматым тряпьем дальнобойная снайперская винтовка пятидесятого калибра упиралась в каменистую землю растопыренными сошками, и ее длинный, начиненный верной смертью хобот смотрел на змеившуюся по склону дорогу. Один меткий выстрел – и машина сорвется с извилистого горного серпантина, устремляясь вниз, в пропасть – туда, где на дне ущелья едва виднеется узенькая полоска серой и тусклой, как сточенное лезвие ножа, воды – стремительная, ледяная Кодори, берущая свое начало от ледников Приэльбрусья.

Снайпер прислушался, но шум стремительно бегущей воды сюда не доносился. Зато сквозь шелест листьев над головой он расслышал другой звук – отдаленный, глухой, искаженный расстоянием, но с каждой секундой

делающийся все более явственным и отчетливым прерывистой вой изнемогающего в неравной схватке с крутым подъемом автомобильного мотора. Стрелок завозился в своем узком укрытии, устраиваясь удобнее, прижался косматой щекой к тряпкам, которыми был обернут приклад, и прильнул правым глазом к окуляру.

Прошло минуты полторы, прежде чем из-за поворота показалась машина – потрепанный, защитного цвета армейский «уазик» с вылинявшим почти добела, пестрым от заплат и грязных потеков брезентовым верхом. Плоское ветровое стекло от старости пошло радужными разводами, испещренные вмятинами и небрежно заделанными пулевыми пробоинами борта были густо забрызганы грязью. Изношенный двигатель натужно завывал, жалуясь на превратности судьбы; его хотелось пристрелить, как больное животное, и снайпер подумал, что ему ничего не стоило бы оказать дряхлому механизму такую пустячную услугу: выпущенная из мощной крупнокалиберной американской винтовки пуля могла запросто продырявить блок цилиндров и навсегда прекратить страдания заезженного, давно просящегося на слом драндулета.

Рука в беспалой шерстяной перчатке легла на казенник винтовки. Прикосновение было легким, почти нежным; указательный палец скользнул под защитную скобу и дотронулся до холодного железа спускового крючка, а большой с негромким щелчком сдвинул флажок предохранителя. Длинный, толстый и лохматый от свисающих с него буро-зеленых лоскутьев ствол дрогнул и начал медленно перемещаться в горизонтальной плоскости, сопровождая движущийся по серпантину автомобиль. Перекрестие прицела ненадолго задержалось на пластине номерного знака, скользнуло по забрызганной грязью решетке радиатора и отыскивало за покрытым серыми разводами ветровым стеклом бледное пятно человеческого лица. Позиция была выбрана удачно: в прицел снайпер хорошо видел, что в машине, кроме водителя, никого нет.

Про себя подивился самонадеянной глупости человека, который в данный момент находился у него на мушке. На что он рассчитывал, этот неверный, когда явился сюда один? Или у него, как у кошки, девять жизней?

Боковое окно со стороны водителя было снято. Снайпер вырос в горах, воевал и привык относиться к армейскому «уазику» с должным уважением, которого тот, несомненно, заслуживал, однако тупость людей, за десятилетия не сообразивших оборудовать столь популярную машину такой мелочью, как стеклоподъемники, его неизменно забавляла. Великая нация не разменивается

по пустякам; если ей нужен глоток свежего воздуха, она выламывает окно вместе с рамой, а если надо выйти из дома, просто проламывает стену. А если великой нации нужно кого-то в чем-то убедить, в запасе у нее всегда имеется веский аргумент в виде танков, штурмовой авиации и огромного количества пушечного мяса...

Волоча за собой жидкий хвост пыли, «уазик» выехал из сектора обстрела и скрылся за очередным поворотом. Снайпер цокнул задвижкой предохранителя, оторвался от окуляра и, повернувшись на бок, нащупал за пазухой теплый от соседства с телом корпус коротковолновой рации. Прижав большим пальцем рычажок тангенты, он пробормотал в микрофон несколько слов, выслушал короткий ответ и отключил рацию.

Он выждал в засаде еще четверть часа, но на дороге больше никто не появился. Тогда снайпер встал, с усилием оторвал от земли тяжелую винтовку, зачехлил прицел, сложил сошки и, взвалив винтовку на плечо, двинулся вверх по склону к тому месту, где оставил лошадь. Не пройдя и десятка метров, он окончательно и бесследно растворился в полуоблетевшей рыже-багряно-зеленой роще. Спустя две минуты послышалось короткое лошадиное ржание, за которым последовал глухой, осторожный перестук копыт по каменистой горной тропе.

* * *

Тарахтя перегретым, готовым вот-вот закипеть движком, потрепанный «уазик» с брезентовым верхом вкатился на утоптанную, уже успевшую порости жесткой горной травой площадку перед развалинами чьей-то усадьбы. Облезлые беленые стены почти до половины утопали в почерневшем мертвом бурьяне. Бурьян был точь-в-точь такой же, какой растет на любом заброшенном людьми огороде, будь то в Рязанской губернии или в Средней Азии. Голые стропила с остатками рыжей черепицы местами обрушились внутрь; поверх груды битого, обгоревшего кирпича валялось полуистлевшее армейское обмундирование. Чуть поодаль, у черного дверного проема разрушенного почти до основания сарая, в бурьяне ржавел изрешеченный пулями остов красного «запорожца». Это место выглядело бы совершенно покинутым и безлюдным, если бы не стоявший у самого дома мощный фордовский пикап – наполовину грузовик, наполовину джип. Несмотря на покрывавшую борта грязь, машине этой на вид было от силы лет пять, и, тормозя посреди того, что когда-то было двором, водитель армейского «уазика» невольно подумал, что где-то в Москве кто-то по сей день

надеется разыскать вот этот самый пикап, угнанный из гаража или со стоянки перед супермаркетом.

Перегретый двигатель в последний раз устало чихнул и заглох. Заменявшая брелок надраенная до блеска пуля от крупнокалиберного пулемета напоследок лязгнула об исцарапанный металл приборной доски и закачалась на цепочке, которой была прикреплена к ключу зажигания. Пуля была без начинки, так что беспорядочные удары, которыми это сомнительное украшение сопровождало каждый прыжок машины по ухабистой дороге, травмировали только нервную систему.

Пинком распахнув заедающую дверцу, водитель выбрался из провонявшей бензином кабины и пару раз подпрыгнул на месте, разминая затекшие ноги. Он был одет в военный камуфляж без знаков различия и высокие натовские ботинки. На голове у него вместо пятнистого кепи сидела низко надвинутая вязаная шапочка, глаза прятались за темными стеклами солнцезащитных очков. Открытая кобура, из которой торчала вороненая рукоять «стечкина», была надежно пристегнута к правому бедру кожаными ремешками; на левом бедре был точно таким же манером укреплен стандартный спецназовский нож в исцарапанных и потертых кожаных ножнах. Новенький, будто только что со склада, бушлат с цигейковым воротником контрастировал с линялой, поблекшей тканью куртки и брюк, из-под армейского обмундирования выглядывал глухой ворот черного свитера. Скуластое лицо было гладко выбрито, и даже сквозь пропитавший одежду удушливый запах семьдесят шестого бензина можно было уловить исходящий от водителя тонкий аромат дорогого одеколona.

Темные линзы очков, как два монитора, отразили панораму заброшенной усадьбы, когда водитель «уазика» медленно повернул голову, осматриваясь. Вокруг не было ни шевеления, ни звука, только под капотом машины размеренно, как старинные часы, тикал остывающий двигатель да журчала, стекая в радиатор, чуть было не закипевшая вода.

– Люди, ау! – негромко позвал водитель.

Ему никто не ответил, да он на это и не рассчитывал.

– Ну, как хотите, – сказал он. – Пора не пора – иду со двора! Кто не спрятался, я не виноват!

Он хотел, чтобы это прозвучало весело. Судя по тону, можно было подумать, что он действительно принимает участие в какой-то забавной игре со старыми друзьями. Тех, к кому он обращался, его веселье обмануть не могло: они, несомненно, догадывались, что ему не до смеха, а уж он-то знал это наверняка.

Продолжая дружелюбно улыбаться и держа слегка разведенные в стороны руки так, чтобы даже издали были видны пустые ладони, человек в темных очках переступил порог и вошел в дом. Сквозь проломленный потолок сюда проникало достаточно света, чтобы сосчитать дула направленных на вошедшего автоматов. Их было три; медленно повернув голову, он обнаружил у себя за спиной, у двери, еще одного бородача в полевом камуфляже и с «Калашниковым» наперевес.

- Общайся, - сказал гость.

Он будто и не видел направленных на него автоматов.

Несмотря на царивший внутри разрушенного дома полумрак и свои темные очки, неверный быстро сориентировался, перестал обращать внимание на автоматчиков и повернулся лицом к тем двоим, ради встречи с которыми он сюда явился. Они тоже были вооружены, но их автоматы висели за спинами, а кобуры с пистолетами были застегнуты и сдвинуты назад. Тот из них, что выглядел постарше, был, можно сказать, знаменитостью: его широкое, коричневое, как пережженная глина, обросшее короткой седоватой бородой лицо, более или менее искаженное при многократном копировании и тиражировании фотографий, фигурировало во множестве ориентировок и оперативных сводок. Это был Мамед Аскеров - старый волк, один из немногих, кто не выпускал оружие из рук с самого начала, со дня провозглашения независимости. Он имел огромный боевой опыт, неизменно пользовался полным доверием руководства, от Дудаева до Басаева и Хаттаба, показал себя отменным тактиком, но со стратегическим мышлением у него было туго, и потому Мамед Аскеров так и не сумел подняться выше поста полевого командира, что в российской армии соответствовало бы, наверное, должности командира полка.

Второй был намного моложе и, несмотря на привычный армейский камуфляж и боевую экипировку, выглядел изящным, почти изнеженным. Красивое и выразительное, с тонкими чертами, смуглое лицо в обрамлении волнистых иссиня-черных кудрей и аккуратно подстриженной бородки дышало холодной надменностью, горделивая осанка и скупые, продуманные жесты выдавали

человека, привыкшего смотреть на окружающих сверху вниз и ничего не повторять дважды. Насколько было известно гостю, он имел на это полное право: выпускник Гарварда и Вест-Пойнта, ученик и правая рука самого бен Ладена (вернее, одна из многочисленных правых рук, которых у одноглазого подонка было больше, чем у любого спрута), он занимал видный пост в «Аль-Каиде». Его появление здесь, в Кодорском ущелье, служило очень тревожным предзнаменованием, а личную встречу с ним можно было считать небывалой, фантастической удачей – разумеется, если ее доведется пережить. Вазир бен Галаби как раз таки был стратег, и притом очень неплохой; он распоряжался громадными суммами денег и обладал правом самостоятельно, ни с кем не советуясь, принимать очень ответственные решения.

– С чем ты пришел? – не ответив на приветствие, холодно осведомился Вазир бен Галаби.

Его изящная ладонь привычным жестом огладила ухоженную бородку, пронизательные карие глаза скользнули по улыбающемуся лицу гостя и ушли в сторону, наткнувшись на темные стекла очков. Попытаться прочесть мысли, глядя в эти черные окуляры, было все равно что ориентироваться по звездам в ненастную, дождливую ночь.

– Я пришел с миром, – ответил гость стандартной фразой и снова расплылся в дурацкой улыбке.

– Так ли? – усомнился бен Галаби.

По-русски он говорил совсем чисто, как будто осваивал воинскую премудрость не в американском Вест-Пойнте, а где-нибудь в Рязанском училище ВДВ или в Львовском военно-политическом.

Темные брови гостя на миг удивленно поднялись над оправой очков, как два маленьких любопытных зверька, выглянувших из-за ограды, радостная улыбка погасла было, но тут же расцвела снова.

– Ну да, ну да, – подхватил он, сообразив, по всей видимости, к чему клонит собеседник. – Ты прав, уважаемый. В нашей священной книге сказано: «Не мир принес я вам, но меч».

– Я читал Библию, – надменно сообщил араб.

– Не сомневаюсь, – быстро ответил гость. – Противника надо хорошо знать, верно? Это известно даже такой мелкой сошке, как я. Что уж говорить о тебе!..

– Ты знаешь, кто я? – холодно удивился бен Галаби.

Улыбка гостя превратилась в циничную ухмылку.

– По-твоему, я баран, который не ведает, что творит? Мне доводилось видеть твой портрет, уважаемый. В определенных кругах ты известен не хуже голливудской кинозвезды.

По обветренным, пересеченным полоской старого шрама губам Мамеда Аскерова скользнула тень неприязненной улыбки. Эта едва заметная гримаса не ускользнула от внимания гостя, и он отметил про себя, что старый воин не очень-то жалуется ближневосточного эмиссара, полагая, по всей видимости, что сумел бы распорядиться деньгами «Аль-Каиды» сам, без посторонней помощи.

– Мне известно, кто ты, – продолжал гость, – и я очень обрадовался, узнав, что ты здесь.

– За что же ты меня так полюбил? – с нескрываемой иронией поинтересовался араб.

– В основном за твои финансовые полномочия, – опять расплываясь в улыбке, ответил гость. – Вот, к примеру, уважаемый Мамед, – он вежливо наклонил голову в сторону Аскерова, – тоже наверняка заинтересовался бы моим предложением. Но у него, как у нас говорят, кишка тонка. Ему все равно пришлось бы обращаться к тебе или к кому-то, кто равен тебе, а у меня кончается командировка, я не могу ждать.

– То есть ты хочешь денег?

– А ты думал, я хочу отдать за тебя замуж свою сестру?

С презрением глядя прямо в темные линзы очков, Вазир бен Галаби по-арабски сообщил неверному, что думает по поводу этого предположения и в каком качестве согласился бы употребить его сестру. Русский ответил на оскорбление очередной циничной ухмылкой и потянулся к накладному карману своих пятнистых брюк. Автоматчики насторожились, кто-то нервно лязгнул затвором.

– Спокойнее, – сказал русский, вынимая из кармана плоскую, изогнутую по форме бедра фляжку из нержавеющей стали и неторопливо свинчивая колпачок. – Я не обижаюсь на тебя, Вазир, по двум причинам. Во-первых, сестры у меня нет, а во-вторых, если бы ты действительно хотел меня оскорбить, ты сказал бы это по-русски. Откуда тебе знать, что я понимаю арабский, верно? Глотнуть не хочешь?

Глаза бен Галаби превратились в две узкие свирепые щелочки, а Аскеров открыто ухмыльнулся. Неверный фактически обвинил араба в трусости, и обвинение, на взгляд чеченца, не было беспочвенным: в самом деле, что, если не трусость, помешало уважаемому Вазиру оскорбить русского на его родном языке? Никакой симпатии к русскому головорезу Мамед Аскеров не испытывал, но отдавал должное его храбрости и той быстроте, с которой он сравнивал счет.

Араб с заметным усилием опустил руку, которая словно прикипела к клапану кобуры, и отрицательно покачал головой.

– Пророк не велел правоверным пить вино, – сообщил он.

– Ты читал Библию, уважаемый Вазир, – сказал русский, – но и я читал Коран. Читал и, представь, не нашел там ни одного упоминания о коньяке. Впрочем, как хочешь, я не настаиваю.

С этими словами он основательно приложился к фляжке. Закрутив колпачок, русский не стал убирать флягу, словно подозревая, что она может ему вскорости понадобиться. Аскерова такое поведение убедило в том, что они имеют дело со штабным: настоящий воин не нуждается в алкоголе для поднятия боевого духа, поскольку спиртное не только притупляет чувство страха, но и ухудшает реакцию.

Автоматчики, все еще стоявшие по углам помещения, видимо, пришли к такому же выводу. Двое опустили на корточки и затеяли какой-то тихий разговор,

один, задвинув автомат за спину, принялся чистить ногти кончиком армейского штык-ножа, а еще один, недолго думая, закурил. Курил он самокрутку, в дыме которой смешались вонь тлеющей газетной бумаги и смолистый дух конопли.

- Поговорим о деле, - сухо предложил араб.

- О, дело! Дело на миллион долларов, - с воодушевлением сообщил гость и, взболтнув содержимое фляги, прислушался к донесшемуся изнутри бульканью. - У тебя найдется миллион долларов, а, Вазир?

- Разумеется, - съязвил араб, снова заставив своего собеседника усомниться в том, что получил образование не в России, а в США, - прямо тут, в заднем кармане. Я никогда не выхожу из дома без миллиона долларов - вдруг кто-нибудь попросит?

- То есть таких денег у тебя нет, - разочарованно констатировал русский.

- Прежде чем говорить о деньгах, я хотел бы знать, что именно ты предлагаешь, - заявил бен Галаби.

- А тебе не сказали? - изумился русский. - Странно... Хорошо, тогда скажу я. Я предлагаю тебе приобрести несколько ПЗРК «Стрела».

- Несколько?

- Рыночная цена одного тубуса тебе известна. Надеюсь, в Гарварде тебя научили арифметическим действиям? Вот и считай, сколько их получится на миллион.

Мамед Аскеров считать умел. Переносной зенитно-ракетный комплекс «Стрела» - очень хорошая, полезная вещь, «Стингеру» до «Стрелы» далеко. Имея в своем распоряжении столько «Стрел», сколько предлагал русский, Мамед Аскеров со своими джигитами еще долго мог бы не бояться воздушных налетов, потому что «Стрела» эффективна не только против «вертушки», ей по зубам и реактивный штурмовик. Если бы у Мамеда был миллион долларов... Но его не было, а если бы и был, то участие в переговорах араба исключало возможность присвоить себе всю предлагаемую гостем партию.

– С чего ты взял, что меня это заинтересует? – осведомился бен Галаби.

– Ну, во-первых, запас карман не тянет, – без паузы ответил гость. – Я, конечно, не собираюсь совать нос в твои дела, однако... Ну, словом, не думаю, что ты, уважаемый Вазир бен Галаби, прибыл сюда просто повидаться с друзьями и поправить здоровье. Здешний климат не слишком благоприятен для таких людей, как ты. Таких, как ты, уважаемый Вазир, здесь мочат в... Где найдут, там и мочат, в общем. Поэтому, чтобы приехать в эти места, у тебя должны быть очень веские причины. А раз так, мой товар тебе наверняка пригодится. Не думаю, что тебе и твоим людям удастся отбиться от звена фронтовых бомбардировщиков, когда те прихватят вас где-нибудь на перевале, одними поясами шахидов.

– Ты слишком много говоришь, – заметил араб. – С чего бы это?

– Понимаю, – подумав секунду, произнес гость. – Думаешь, за многословием скрывается ложь, верно?

– Ты сам это сказал, – не глядя на него, откликнулся бен Галаби.

– В данном случае это не так, – возразил русский. – Я просто пытаюсь внести полную ясность. Моя командировка заканчивается через неделю, второго шанса у меня уже не будет, а искать такие контакты в Москве... Ну, словом, для меня, офицера ГРУ, постоянно находящегося под колпаком, это равносильно самоубийству. Вот мы стоим друг напротив друга. Тебе нужны тубусы, мне нужны деньги, так в чем же проблема?

– Где груз? – помолчав, будто что-то обдумывая, спросил араб.

– Там же, где ты хранишь деньги, – не остался в долгу русский, – в заднем кармане. За кого ты меня принимаешь? Груз в Москве. Вернее, в Подмосковье, на складе одной расформированной воинской части. План простой: я возвращаюсь домой, ты присылаешь ко мне человека, он называет номер счета в офшорном банке, а я рассказываю, где находится груз и как его забрать. Дело сделано, все расстаются довольные друг другом...

– Так просто? – недобро усмехнулся эмиссар «Аль-Каиды». – Получается, что ты продаешь не оружие, а просто информацию о нем. К тому же непроверенную.

– А ты хотел, выглянув в окно, увидеть грузовик, перевязанный розовой ленточкой? Я одиночка. Я действую сам, на свой страх и риск. И я не могу, не имея проверенного канала доставки, протащить через пол России целый арсенал!

– Значит, проблема только в доставке?

Тон у бен Галаби был такой, что Мамеду Аскерову вдруг захотелось отойти от него подальше, а еще лучше – покинуть помещение. Похоже, на уме у араба было что-то, о чем он не посчитал нужным поставить в известность своего собрата по оружию, и Аскеров уже не в первый раз подумал, что такие вот выученики западных разведок сплошь и рядом используют своих братьев втемную, богатея на их крови.

– Разумеется, – легкомысленно откликнулся русский и снова глотнул из фляги. – И я думаю, уважаемый Вазир, что для тебя это не проблема. Соглашайся. Предложение выгодное, поверь. Ты будешь доволен.

– Да, доставка – не проблема. Настоящая проблема в том, что тебе нужны вовсе не деньги, – неожиданно для всех, в том числе и для Аскерова, ответил бен Галаби. – Я знаю, шакал, что тебе нужно на самом деле.

Глава 2

День на Черкизовском оптовом рынке начинается рано. Солнце еще только подумывает о том, чтобы встать, город спит и видит сны, а в залитом мертвенным голубовато-зеленым сиянием бессонных ртутных ламп тесном лабиринте ангаров, контейнеров, крытых торговых рядов и павильонов уже с грохотом и лязгом поднимаются пластинчатые стальные шторы, отодвигаются ржавые засовы, вскрываются бесчисленные гигантские тюки; многочисленные стоянки уже в четвертом часу утра до отказа забиты машинами и автобусами, по регистрационным номерам которых можно изучать географию бывшего СССР, – прибывшими издалека, потрепанными, мятыми, усталыми, наполненными такими же потрепанными, мятыми, усталыми людьми. Людей этих уже давно перестали называть мешочниками; даже пришедшее на смену этому обидному

прозвищу меткое словечко «челноки» почти осталось в прошлом, уступив место солидному словосочетанию «индивидуальный предприниматель», однако внешние приметы этого неистребимого тараканьего племени, рожденного горбачевской перестройкой и закалившегося в экономических корчах девяностых годов, остались неизменными на протяжении десятилетий. Люди эти всегда плохо одеты, горласты, обветрены, как бродяги, и, независимо от возраста и телосложения, способны, кажется, при лобовом столкновении расплющить в блин даже большегрузный самосвал; их орудия производства – ручные тележки для багажа и вместительные клеенчатые баулы, на которых, как порой начинает казаться, зиждется нынешнее экономическое процветание Китая, – служат куда более заметным национальным признаком, чем цвет кожи или строение черепа. Смуглые чернявые украинцы, бледные, как непропеченное тесто, белорусы, горячие и горбоносые сыны Кавказа, плосколицые и раскосые дети Индокитая – все они давным-давно сплелись воедино, дав начало новой могучей нации, существующей независимо от того, что каждый из них думает по этому поводу. Ее язык – арифметика, ее бог – чистоган, а нательный крест и ладанку с мощами святых заменяет калькулятор.

В четыре часа утра жизнь на Черкизовском рынке уже бьет ключом, но начинающееся столпотворение в увешанном и заваленном пестрым копеечным барахлом лабиринте служит лишь предвестием дневного безумия. Тележечники еще только начинают выкатывать и загружать свои тяжелые и неповоротливые багажные платформы на резиновом ходу, и их пронзительные вопли «Дорогу! Дорожку! Дорож-ж-ш-шьку!!!» в это время еще не успели слиться в однообразный многоголосый хор. Количество наваливаемых на их тележки тюков с товаром вызвало бы содрогание даже у ломового битюга, а кишащий людскими толпами лабиринт, через который они безошибочно, никого не задев, с безумной скоростью провозят этот невообразимый груз, заставил бы даже Минотавра рыдать, как малое дитя.

В четыре часа утра по Черкизовскому рынку уже снуют карманники-виртуозы, способные незаметно извлечь деньги даже из нижнего белья семипудовой горластой хохлушки, полагающей, что ее необъятный бюстгальтер надежнее депозитной ячейки швейцарского банка. Кидалы с симпатичными, открытыми лицами и ангельски честными глазами пьют утренний кофе, грея о пластиковые стаканчики ловкие музыкальные пальцы, и краснорожий мордорот в черной униформе с броской надписью «ОХРАНА» поперек жирной спины дружески просит у них огоньку. Вокруг ртутных ламп понемногу густеет смрадный туман, состоящий из сигаретного дыма, чада многочисленных кухонь, выхлопных газов и испарений тысяч людских тел; в половине пятого где-то на Черкизовском

рынке уже слышны истеричные вопли женщины, оплакивающей вырезанный кошелек. Вор в это время высматривает очередную жертву на противоположном конце лабиринта; те, кто слышит пронзительные жалобы обворованной, щупают собственные кошельки и торопливо проходят мимо, а торговцы, которым некуда идти, обмениваются равнодушными замечаниями по поводу происшедшего. Москва – государство в государстве, а Черкизовский рынок – это город в городе. И если Москва не верит слезам, то уж Черкизовский рынок не верит им и подавно...

Ранним утром соловьями разливаются армяне, втирая заезжим лохам плащи из дешевого дерматина по цене натуральной кожи. Они прижигают свой товар зажигалками, демонстрируя его высокое качество, и говорят, ни на мгновение не закрывая рта. Это песня сирен, заманивающая наивного путника на финансовые рифы; это – гимн, прославляющий чудеса современной химии. Маленькие, как подростки, прокуренные насквозь вьетнамские женщины выползают из своих нор в гудах клетчатых баулов и, зевая, нечленораздельно грубят ранним покупателям и хрипло перекликаются друг с другом на своем птичьем языке. Каждая милицейская облава на Черкизовском рынке приносит богатый улов нелегалов; их отлавливают сотнями, не зная потом, куда девать, чем кормить и на какие деньги депортировать это гомонящее, разом позабывшее русский язык стадо, а на смену отловленным сотням немедленно прибывают тысячи новых.

В половине пятого утра Хромой Абдалло, хозяин закуской на втором этаже одного из немногочисленных капитальных строений Черкизовского рынка, обычно еще спит. По укоренившейся с незапамятных времен привычке он встает в шесть часов и отправляется в свое заведение, чтобы выпить чаю, а заодно посмотреть, все ли в порядке. По утрам аппетита у него нет совсем, а кофе Хромой Абдалло не пьет уже давно – бережет сердце.

Его правая нога почти на три сантиметра короче левой и ощутимо побаливает при ходьбе. Хромота осталась ему на память о бурной молодости; если бы солдат-шурави в тот раз взял немного выше и левее, хромоты бы не было, как и самого Абдалло. Но Хромой не держал зла на шурави: талибы, захватившие власть в стране после того, как оттуда ушел последний русский десантник, оказались хуже любых оккупантов. Прогнавшие талибов американцы, кажется, были не лучше; во всяком случае, порядка и спокойствия в стране не было по-прежнему, а Хромой Абдалло сделался уже слишком стар, чтобы спать на голой земле в обнимку с автоматом. Он больше ни в кого не хотел стрелять и хорошо

понимал тех, кто, как и он, искал спокойной жизни в чужих краях.

Именно поэтому бывали дни, когда Абдалло поднимался ни свет ни заря и, минуя собственное заведение, шел через просыпающийся рынок к одному из складских ангаров. Этим ангаром тоже владел он, но знали об этом не многие: Хромой Абдалло был человеком скромным и вовсе не стремился афишировать размеры своего состояния.

Сегодня выдался как раз такой день. Когда Абдалло, хромая и опираясь на тяжелую суковатую трость, подошел к ангару, груз уже прибыл. Потрепанный «КамАЗ», кабина которого была окрашена в неприятный защитный цвет, хрипло рыча и изрыгая из выхлопной трубы густые клубы черного дыма, пятился задом, осторожно подавая к распахнутым воротам замызганный цельнометаллический трейлер. Невыспавшийся, до самых глаз заросший черной колючей щетиной водитель, высунувшись из кабины, смотрел назад, стараясь как можно точнее направить неповоротливый трейлер в неосвещенный проем. Это ему удалось, серо-коричневая от грязи корма идеально вписалась в ворота, так что по бокам остались почти одинаковые промежутки. Абдалло, покуривая, стоял в сторонке – пожилой смуглолицый человек в потертой турецкой кожанке, с пышной серебряной шевелюрой, многое повидавшими темными глазами и щетинистой полоской аккуратно подстриженных усов под ястребиным носом.

Водитель выровнял колеса, захлопнул дверцу и начал, глядя в зеркало, короткими толчками загонять трейлер в ангар. Кладовщик, заспанный узбек в засаленном армейском бушлате старого, еще советского образца, прыгая перед кабиной, подавал водителю знаки, на которые тот, кажется, не обращал внимания. И пожалуй, хорошо, что не обращал: узбек, имя которого Абдалло никак не мог запомнить, выглядел обкуренным в хлам, хотя часы показывали только четверть пятого утра. Абдалло решил, что от кладовщика придется избавиться, пока тот под действием травки не наболтал лишнего в компании посторонних людей.

Вид крови уже давно не вызывал у него положительных эмоций, но ошибки надо исправлять. А то, что Абдалло дал работу этому наркоману, как раз и было ошибкой...

Он подумал об Ахмете. А почему бы и нет? Парень он хороший, к старшим относится с должным уважением, а Хромого Абдалло так и вовсе боготворит. Хватит уже ему надрываться, с утра до ночи катая тележку с чужим товаром!

Пора подыскать парню другую работу: более спокойную, денежную и ответственную – словом, такую, какая подходит семейному человеку...

Когда трейлер целиком вполз в ангар, оставив снаружи только помятую, сто раз перекрашенную кабину, водитель заглушил мотор. Узбек поставил в протянутой через окно засаленной накладной закорючку, долженствующую означать подпись. Большого от него не требовалось, да он и не был способен на большее, поскольку не мог даже запомнить, как пишется его собственное имя.

Абдалло подошел к воротам, отмахнулся от кладовщика, который, только сейчас заметив хозяина, сунулся к нему с каким-то разговором, и, протиснувшись между железным косяком и грязным бортом кузова, вошел в ангар, где уже горели тусклые лампы под жестяными абажурами. Двое рабочих, китаец Ли и вьетнамец, имя которого Абдалло знал, но правильно выговаривать так и не научился, уже возились с запорами заднего борта. Кивнув им, Хромой отошел в глубь ангара и закурил новую сигарету.

Запор наконец повернулся с протяжным ржавым визгом; Ли ударил по железной рукоятке молотком, заставив длинный, во всю высоту кузова, шкворень выскочить из проушин. Резкий лязг железа в замкнутом пространстве прозвучал, как пистолетный выстрел; рабочие одновременно распахнули широкие створки заднего борта, открыв сплошную, до самого верха, стену картонных коробок.

Ли отступил в сторону, закрыв нижнюю часть лица мятым носовым платком. Вьетнамец, который, казалось, был начисто лишен обоняния, небрежным рывком вынул из кузова и отшвырнул в сторону одну из коробок, разом обрушив часть картонной стены. Из образовавшегося проема ударила струя нестерпимой вони, такой плотной, что она в мгновение ока докатилась даже до стоявшего в стороне Абдалло. Сигарета не помогала; затоптав ее, Хромой отступил еще на несколько шагов, по примеру Ли зажав нос и рот предусмотрительно надушенным носовым платком.

Вьетнамец издал какой-то повелительный, гортанный возглас и, отскочив в сторону, прижался к стене. Оставшиеся в кузове коробки посыпались на бетонный пол, а вслед за ними в облаках все усиливающейся вони из трейлера полезли люди – изнуренные долгой дорогой, обессиленные, уже начавшие гнить заживо, они двигались с проворством рабов, напрягающих последние силы, чтобы остаться в живых. В тишине, нарушаемой только тяжелым дыханием и топотом множества ног, они прыгали из кузова на землю, топча пустые коробки,

и сразу разбегались по темным углам, как тараканы. Некоторые падали; соседи молча подхватывали их и тащили за собой – не потому, что были так уж добры и милосердны, а по той простой причине, что их заранее обязали вести себя именно так, а не иначе.

Абдалло заглянул в опустевший трейлер. На полу валялись какие-то грязные тряпки и растоптанные экскременты. Больше ничего не было – на этот раз все, кто отдал свои последние деньги за нелегальную доставку в Москву, добрались до места назначения живыми. Это было хорошо: Хромой Абдалло не любил возиться с трупами.

Ли и его напарник закрыли кузов; китаец трижды ударил молотком по железу заднего бампера, снаружи без видимой необходимости закричал, дублируя поданный им сигнал, обкуренный кладовщик-узбек. «КамАЗ» зарычал, затрясся, выстрелил в небо черным дымом и рывками пополз наружу, открывая дорогу свежему воздуху, который животворным потоком хлынул в ангар.

Не в силах больше оставаться внутри, Абдалло вышел из ангара вслед за машиной. В воротах ему пришлось посторониться, пропуская в ангар первую из прибывших за живым грузом машин – потрепанную грузовую «ГАЗель» с московскими регистрационными номерами. Внутри снова слышались пронзительные, почти жалобные выкрики рабочего-вьетнамца и нестройный топот множества спотыкающихся, заплетающихся от слабости ног. Абдалло снова закурил, думая о том, что на какое-то время неприятности всех этих людей остались позади.

Все кончилось в какие-нибудь полчаса. Все это время грузовики и закрытые микроавтобусы, сменяя друг друга, въезжали в открытые ворота ангара и выезжали из них, увозя очередную партию людей, прибывших в страну шурави в поисках лучшей доли. Те из них, кто оказался настолько богат, что мог заплатить за транзит, отправились дальше, к западным границам России и еще дальше – туда, где, накрыв собой половину континента, разлегся лопающийся от сытости Евросоюз. Остальным предстояло устраивать свою жизнь тут, в Москве, и Хромой Абдалло не без оснований полагал, что большинству это удастся. Рынков в городе много, и каждый из них может принять, без следа растворив в своем лабиринте, любое количество людей. Если бы Хромой Абдалло решил завоевать Россию, он не стал бы бросать бомбы и прорывать границу танковыми колоннами. Вместо этого Хромой Абдалло просто роздал бы небольшие суммы денег нужным людям на московских рынках, и в одно прекрасное утро Москва

проснулась бы захваченной и оккупированной без единого выстрела, так и не поняв, откуда взялась заполонившая ее улицы миллионная армия иноземцев. Будь у Абдалло достаточно денег, он мог бы стать новым императором России. Ему даже не пришлось бы заниматься контрабандой оружия, чтобы вооружить свою тайную армию: шурави сами с радостью продали бы ему все необходимое. Но таких денег у Хромого не было, а уж желания тратить их на то, чтобы воцариться над этой населенной свиньями помойкой, не было и подавно. Абдалло был мудр и привык довольствоваться малым...

Проводив взглядом последний мебельный фургон, он заглянул в опустевший ангар. Китаец Ли поливал водой из шланга цементный пол, а его щуплый, похожий на подростка напарник, что-то напевая на родном языке, размазывал лужи веревочной шваброй. Абдалло знал, что зловоние окончательно выветрится только к вечеру, а может быть, и к завтрашнему утру. Ни одно животное на свете не воняет так, как человек; эту простую истину Хромой усвоил задолго до того, как поселился в Москве.

Кладовщик-узбек, нахохлившись, сидел на ящике у стены. Голова его совсем ушла в воротник старенького солдатского бушлата, уши оттопырились, узкие глаза окончательно сощурились, превратившись в две блаженные щелки, на плоской, заросшей редкой клочковатой щетиной физиономии играла отрешенная улыбка, в заскорузлых от грязи пальцах дымилась набитая анашой папироса.

Небо в проеме распахнутых ворот стало из черно-фиолетового бледно-серым, когда Хромой Абдалло, которого многие из работающих на Черкизовском рынке нелегалов не без оснований считали своим благодетелем, растоптал окурок и, тяжело опираясь на трость, двинулся туда, откуда уже давно доносились набирающие силу пронзительные выкрики «Дорожку!». Теперь, когда дело было сделано, можно было вернуться к привычному утреннему расписанию, то есть выпить три-четыре чашки зеленого чая и, может быть, послать кого-нибудь на поиски тележечника Ахмета – земляка и соплеменника, который многим обязан Хромому Абдалло и, пожалуй, мог бы с успехом заменить ставшего слишком ненадежным кладовщика-узбека.

* * *

– Что-то я тебя не пойму, уважаемый, – с прежним ленивым легкомыслием промолвил русский и снова поднес к губам свою флягу. Обращаясь к Вазирю бен Галаби, он на него даже не смотрел – так, по крайней мере, казалось Мамеду Аскерову, хотя темные очки мешали разобратить, куда на самом деле смотрит неверный. – Можно подумать, ты знаешь обо мне что-то, чего не знаю даже я сам.

Аскеров посмотрел на араба и понял, что русский сейчас умрет. Похоже, эмиссар «Аль-Каиды» действительно знал об этом человеке что-то, что заставляло его не верить ни единому слову гостя.

Аскерову подумалось, что смерть русского офицера-миротворца здесь, в Кодорском ущелье, неминуемо вызовет очень неприятные осложнения и с грузинами, и с абхазцами, не говоря уж о самой России. Вот это и называется: гадить в корыто, из которого ешь. Это понятно даже простому старому воину Мамеду Аскерову, так неужели же Вазир бен Галаби, со всеми его университетскими дипломами и хваленым стратегическим мышлением, не понимает таких простых вещей?

Конечно же, он все понимал, однако выражение его внезапно закаменевшего лица было очень красноречивым – таким, что Аскеров сообразил: русский умрет не просто так, а под пытками, рассказав все, о чем его будут спрашивать. Что ж, на войне как на войне. «В ад не ходят прикурить сигаретку», – любил говорить один старинный знакомый Мамеда Аскерова, и старый воин был с этим полностью согласен. Русский же выглядел именно так; казалось, он не понимал, с кем имеет дело. Одна его фляжка чего стоила!

– Воображение у тебя не по разуму, – между двумя глотками из фляги заявил русский, адресуясь к Вазирю бен Галаби, посеревшее лицо которого превратилось в маску презрительной ненависти. – И еще ты не умеешь держать в узде свой длинный язык... так же как и отвечать за то, что он мелет. Я приехал к тебе по делу, а ты распускаешь хвост, как павлин, и пытаешься напугать меня праздной болтовней. Мы теряем время, Вазир. Решай что-нибудь, и я поехал, пока меня не хватились.

– Я уже все решил, – ровным голосом сказал бен Галаби, незаметным движением пальцев отстегивая клапан кобуры, и в то же мгновение фляжка, из которой, запрокинув голову, жадно пил русский, кувыркаясь и расплескивая свое коричневатое содержимое, полетела ему в лицо.

Мамед Аскеров не успел ничего сообразить. Он рефлекторно отпрыгнул в сторону, уходя с линии огня, а каким-то чудом очутившийся в руке у русского «стечкин», казавшийся еще более громоздким, чем обычно, из-за навинченного на ствол длинного заводского глушителя, уже хлопнул четыре раза подряд. Русский стрелял веером от бедра, поворачиваясь вокруг своей оси против часовой стрелки; прицельный огонь в такой ситуации практически невозможен, но ни одна из пуль не пропала даром. Старый воин Мамед Аскеров никогда не видел, чтобы кто-то стрелял с такой убийственной меткостью да еще и в полутемном помещении с солнцезащитными очками на носу. Четверо автоматчиков умерли почти одновременно; лишь один из них, падая, успел нажать на спусковой крючок, и длинная очередь оглушительно и ненужно прогрохотала в тишине ущелья, пробуравив остатки черепичной кровли и вызвав град гнилых щепок и глиняных черепков. За этот подвиг стрелок был вознагражден еще одной pistolетной пулей, пробившей засаленную зеленую чалму прямо над переносицей. Этот последний выстрел русский сделал явно машинально, отреагировав на угрозу, которой на самом деле не существовало: спуская курок, автоматчик, Одноухий Иса, был уже мертв, как кочерга.

Этот же выстрел дал Мамеду Аскерову время выскочить на улицу. Уже нырнув за угол разрушенного сарая, он наконец-то сообразил, что спасается бегством от неверного, вооруженного всего-навсего pistolетом, который старый воин никогда не считал серьезным оружием. Он заколебался было, потянувшись за висевшим на плече автоматом, но прилетевшая неведомо откуда пуля, сбив с его сидящей головы выгоревшее на солнце камуфляжное кепи, подсказала правильное решение.

Потом где-то за спиной отрывисто залаял дорогой семнадцатизарядный «глок» араба, но эти звуки Мамед Аскеров слышал уже на бегу, с каждым шагом удаляясь от места перестрелки. Странно, но ему совсем не хотелось узнать, чем кончилось дело; напротив, впервые в жизни глубоко запрятанное желание старого воина, по праву носившего почетное прозвище Железный Мамед, вернуться домой, сдать оружие и зажить по-человечески сделалось не только осозанным, но и почти непреодолимым.

Народу в закусочной почти не было. Какие-то русские – судя по виду, муж и жена, приехавшие сюда не за товаром на продажу, а просто за дешевыми тряпками для себя и своих детей, – осторожно ковырялись алюминиевыми ложками в железных мисках с жидкой бурдой, которая у поварихи Хромого Абдалло именовалась украинским борщом. Поварихой у него работала таджичка, и никто, однажды отведав ее борща, не пытался повторить этот подвиг. Зато работала она почти бесплатно, а пропускная способность Черкизовского рынка обеспечивала Абдалло постоянный приток новых клиентов, неизменно ловившихся на старую удочку: обнаружив в пестрящем незнакомыми названиями меню родное, привычное слово, они заказывали этот так называемый борщ, а у некоторых даже хватало мужества доесть принесенные официанткой помои до конца.

За другим столиком три азербайджанца, все одинаково толстые, чернявые и усатые, как родные братья, дымя сигаретами, пили кофе и ковырялись зубочистками в крупных желтоватых зубах. Это были завсегдатаи, а потому еду, которую им обычно подавали, Хромой Абдалло не постеснялся бы поставить даже на праздничный стол.

Убедившись, что все в порядке, Абдалло совсем уже было собрался вернуться к прерванному разговору, но тут в закусочную, шаркая по полу растоптанными мужскими ботинками, волоча за собой грязную клетчатую сумку и распространяя отвратительную кислую вонь сто лет не мытого тела, вошла побирушка Захаровна – в прошлом проститутка, воровка и аллах знает кто еще, а ныне окончательно спившееся, опустившееся существо, промышлявшее сбором подаяния и по совместительству подрабатывавшее наводчицей у карманников – впрочем, без особого успеха. Захаровна сунулась было с протянутой ладошкой к азербайджанцам, но те лениво отмахнулись от нее, и тогда она обратила свое внимание на семейную пару, которая, как-то покончив с совершенно несъедобным борщом, уже взялась за второе. Женщина, которую Захаровна с невнятными причитаниями ухватила за рукав, брезгливо поморщилась, а ее муж потянулся за бумажником, намереваясь, по всей видимости, отделаться от надоеды самым простым в его понимании способом – сунуть ей пару монеток.

– Извини, дорогой, – сказал Хромой Абдалло собеседнику и встал, положив тлеющую сигарету на краешек пепельницы.

В четыре длинных шага он пересек небольшое грязноватое помещение и крепко взял Захаровну за шиворот. Попрошайка дернулась и сразу же прекратила сопротивление, придав своей распухшей красно-лиловой физиономии приличествующее случаю умильное выражение, – ей было не впервой.

– Ты что, старая собака, русский язык не понимаешь? – свирепо поинтересовался хозяин, оттаскивая нищенку от столика и хорошенько ее встряхивая. – Я тебе сколько раз сказал: забудь сюда дорогу, а?! Еще раз придешь – сброшу с лестницы, клянусь! Тебя тоже касается, – на полтона ниже добавил он, обращаясь к выскочившей из подсобки официантке. – Снова ее увижу – вместе будете с лестницы катиться. Здесь люди кушают, понимать надо! Кушайте, уважаемые, кушайте на здоровье, – расплываясь в медовой восточной улыбке и прижимая к сердцу растопыренную пятерню, обратился он к посетителям. – Вкусно?

– Да, спасибо, – за двоих ответил мужчина, – очень вкусно.

Именуемая борщом буроватая жидкость у него в тарелке осталась почти не тронутой, и из нее торчал огромный, даже на вид жесткий и несъедобный кусок серого, непроваренного капустного листа. Впрочем, жаркое с картофельным пюре он уплетал с большим аппетитом, и Хромой Абдалло решил считать, что похвала клиента относится ко второму блюду. Откровенно говоря, его эти тонкости не очень-то и волновали, но забота о гостях, хотя бы и показная, – обязанность каждого хозяина. Таков обычай, а Хромой Абдалло не знал лучшего способа сохранить уважение окружающих, чем следовать обычаям предков, даже тем, которые на первый взгляд кажутся обременительными и не самыми разумными.

Выпроводив побирушку, Абдалло велел официантке включить кондиционер, чтобы развеялся неприятный запах, перебросился парой слов с азербайджанцами, которые уже собирались уходить, а потом, жестом извинившись перед собеседником, сходил на кухню и хорошенько вымыл руки с мылом.

Когда он вернулся за стол, его сигарета истлела почти до самого фильтра, а недопитый чай в пиале совсем остыл. Абдалло кликнул официантку и велел принести еще чая, после чего, закурив, еще раз извинился перед собеседником.

– Не стоит, уважаемый Абдалло, – с должным почтением ответил тот. – Вы здесь хозяин и должны следить, чтобы собаки не забредали на кухню.

– Ты верно сказал – собаки, – солидно кивнул Хромой и выпустил дым через ноздри. – Собаки... – задумчиво повторил он, искоса глядя вслед супружеской паре, которая, закончив обедать, покидала заведение. – Чем дольше я с тобой говорю, уважаемый Ахмет, тем больше убеждаюсь, что на многие вещи мы с тобой смотрим одинаково. Я бы сказал, правильно смотрим... Как ты полагаешь?

– Я полагаю, что, глядя на свет так, как учил Пророк, меньше рискуешь ошибиться. Да и единомышленников у тебя в этом случае будет достаточно, – довольно обтекаемо ответил тележечник Ахмет.

Он был неширок в кости, но жилист и крепок, ибо только такой человек мог продержаться на работе тележечника хотя бы месяц и при этом не надорваться. Ахмет катал по рынку тяжелые платформы с товаром уже четвертый год, не пил вина, не курил и не позволял себе излишеств в пище. Такой аскетический образ жизни позволил ему за три года скопить сумму, необходимую для того, чтобы оплатить услуги Хромого Абдалло и снять квартиру всего в полчаса езды от рынка. Густые темные волосы тележечника Ахмета уже начали заметно серебриться надо лбом и на висках, хотя, как было доподлинно известно Абдалло, в этом году ему исполнилось всего лишь тридцать два.

– Я думаю, что могу доверять тебе, Ахмет, – оставив без реакции излишне дипломатичное поведение собеседника, задушевым тоном произнес Абдалло. Они говорили на фарси – языке, которого не знал никто из работников и посетителей заведения, – и могли не бояться чужих ушей. – Хотелось бы, чтобы это доверие было взаимным.

– Я доверил вам самое дорогое, что у меня есть, уважаемый Абдалло, – мою семью, – почтительно, но твердо напомнил Ахмет.

– Я об этом помню, дорогой, – сказал Хромой и глотнул зеленого чая. – Кстати, – добавил он, будто спохватившись, – до меня дошел слух, что они уже в пути. Думаю, для тебя это хорошая новость.

– Лучшей и быть не может. – Голос тележечника дрогнул, темные глаза подозрительно блеснули, как будто Ахмет сдерживал слезы. – Я буду до конца

дней просить для вас милости Аллаха, уважаемый Абдалло.

– Благодарю тебя, Ахмет. Милость Аллаха никому не помешает. Но, кроме молитв, мне нужна от тебя кое-какая помощь.

– Но чем я могу вам помочь, уважаемый? Боюсь, у меня нет ничего, в чем бы вы нуждались.

– Мне нужен умный и расторопный помощник на складе, – напрямик объявил Абдалло. – Такой, на которого я мог бы положиться во всем. Мне кажется, как раз такой человек сидит сейчас передо мной. Не забывай, теперь тебе понадобится больше денег, чтобы кормить семью. Женщине нужны наряды и украшения, мальчику – одежда, игрушки и книги... Да, Ахмет, книги. Мальчику нужно образование. Ведь не хочешь же ты, чтобы он всю свою жизнь катал тележки с дешевым тряпьем по Черкизовскому рынку, верно?

– Не уговаривайте меня, уважаемый Абдалло, – сказал тележечник.

Вид у него был растерянный – он не мог поверить в такую удачу. Стать кладовщиком у Хромого Абдалло, его доверенным лицом – для него, простого тележечника, живущего в Москве по подложным документам, это был предел мечтаний. И все же Абдалло видел, что он колеблется.

– Не уговаривайте меня, – повторил Ахмет. – Ваша милость и так столь велика, что кажется мне незаслуженной.

Абдалло аккуратно отхлебнул из пиалы и затянулся сигаретой. На нем был белый свитер с высоким глухим воротом, выгодно подчеркивающий его смуглую кожу, и кожаный пиджак с широкими подставными плечами.

– Думаю, ты не станешь спорить с тем, что я старше тебя и опытнее, – веско произнес он. Ахмет поспешно склонил голову в знак почтительного согласия, и сквозь густые, слегка вьющиеся волосы блеснула розоватая полоска шрама, оставленного автоматным прикладом. – А раз так, – продолжал Хромой, аккуратно щелчком сбивая пепел с кончика сигареты, – тебе придется согласиться и с тем, что мне виднее, заслуживаешь ты моего доверия или нет. И не называй это милостью, Ахмет. Не такое уж это и благодеяние. Конечно, тебе придется немного меньше работать руками, но зато намного больше – головой. И

деньги, которые я буду тебе платить, ты отработаешь сполна, так и знай.

– Но ведь это место занято, – впервые взглянув прямо ему в глаза, напомнил Ахмет.

– Не хочешь ли ты сказать, уважаемый Ахмет, что осведомлен в моих делах лучше, чем я сам? – надменно изумился Хромой Абдалло. – Если так, возьми все, что у меня есть, и отдай мне свою тележку, чтобы я мог на старости лет заработать себе на хлеб, катая ее по рынку!

Ахмет попытался вскочить, прижимая к сердцу ладонь и снова склонив голову, но Абдалло, перегнувшись через стол, положил ему руку на плечо и силой усадил на место.

– Оставим извинения, – сказал он. – Просто пойми, что старый Хромой Абдалло не бросает слов на ветер. Если Абдалло говорит, что ему нужен помощник на складе, значит, ему нужен именно помощник на складе, а не кто-то, кто станет пересчитывать его баранов. Если старый Абдалло говорит, что это место свободно, значит, оно никем не занято. И если все это так, мой дорогой Ахмет, значит, не стоит спрашивать, куда подевался тот, кто занимал это место раньше. И почему так случилось, тоже не стоит спрашивать. На все воля Аллаха.

– Алла акбар, – опустил глаза, промолвил Ахмет.

– Алла иль Алла, – ответил Хромой Абдалло.

Тележечник поднял голову. Взгляды их встретились, и в темно-карих с желтоватыми белками глазах Хромого Ахмет, будто на экране телевизора, увидел грунтовую проселочную дорогу в обрамлении полуоблетевших кустов, неглубокие, засыпанные мусором и опавшей листвой кюветы, криво стоящий на обочине замызганный грузовой микроавтобус с распахнутой настезь задней дверью и двоих азиатов, которые, раскачав, бросают в канаву тело, одетое в старенький, весь залитый кровью из перерезанного от уха до уха горла армейский бушлат.

Это был ответ на вопрос, куда подевался прежний кладовщик. А почему... Что ж, об этом действительно не стоило спрашивать. Складской ангар Хромого Абдалло стал воротами в новую жизнь для многих, в том числе и для самого Ахмета.

Четвертый год он катал свою тележку по Черкизовскому рынку и знал здесь каждую собаку. Знал он и вечно пребывающего в плену конопляных грез узбека-кладовщика – знал и молил Аллаха только об одном: чтобы побочный промысел Абдалло не пошел из-за этого обкуренного ишака прахом раньше, чем семья Ахмета окажется здесь, в Москве. Кто-то должен был погибнуть – либо Абдалло с его бизнесом, либо узбек-наркоман. Хромой был умный человек, терпение его наконец лопнуло, и он сделал выбор – пусть не слишком приятный, но, несомненно, правильный...

– Напомни мне, дорогой, кем ты работал на родине, – прервал размышления тележечника голос Хромого Абдалло.

– Школьным учителем, – ответил тот, подавив вздох. – Учил детей алгебре и геометрии...

– Клянусь Аллахом, такой человек не должен катать какую-то грязную телегу! – воскликнул Абдалло. – Ведь ты уже легализовался, верно? Отлично! Думаю, на складе ты надолго не удержишься. Я уже давно подумываю завести человека, который лучше меня умеет управляться с цифрами.

– Я не могу с чистой совестью назвать себя бухгалтером, – сказал Ахмет, – а в здешнем законодательстве вообще ничего не понимаю.

– Зато ты мой земляк, и я тебе доверяю, – возразил Абдалло. – Ты не станешь воровать мои деньги и болтать на каждом углу о моих секретах. Это главное, уважаемый. А со здешним законодательством я как-нибудь разберусь сам, твое дело – правильно считать... Впрочем, это преждевременный разговор. Сначала ты должен помочь мне на складе. Ну как, согласен?

Когда бывший тележечник Ахмет спускался по ступеням крутой лестницы, что вела из узкого прохода к расположенному на втором этаже заведению Хромого Абдалло, с раннего утра висевшие над Москвой низкие серые тучи начали сеять на кишаший, копошащийся муравейник рынка мелкий холодный дождь. Но в сердце Ахмета светило яркое солнце, и он не замечал ледяных капель, что ползли по его лицу и скатывались за воротник. Сегодня, хвала Аллаху, у него выдался воистину счастливый день. Похоже, все его неприятности остались позади, и новая жизнь, о которой он столько мечтал, готова вот-вот начаться. Его семья скоро будет с ним, он получил наконец приличную работу, и это

только начало! Хромой Абдалло – уважаемый человек, легальный российский бизнесмен. У него хорошая, и притом собственная, квартира в Измайлово, солидный бизнес и множество полезных знакомств. Словом, о покровительстве такого человека можно только мечтать!

Спустившись вниз, Ахмет ускорил шаг. У него было много дел: прежде чем приступить к своим новым обязанностям, он собирался получить расчет у прежнего хозяина, а потом еще забежать в павильон, где работала продавщицей его свояченица, и сообщить ей радостную новость.

* * *

Мамед Аскеров, этот упрямый седой ишак, носил свое старое армейское кепи низко надвинутым на лоб, и проделать дырку в данном головном уборе, не провентилировав заодно бараньи мозги Железного Мамеда, оказалось непросто. Этот выстрел можно было смело отнести к разряду шедевров – увы, неизвестных широкой публике и потому никем, кроме автора, не оцененных.

Как бы то ни было, потеряв шапку, Аскеров наконец сообразил, что вместе с ней рискует потерять голову, и пустился наутек, как старый седой заяц, услышавший у себя за спиной лай целой своры гончих. Араб тоже уже оклемался, вспомнил о чувстве собственного достоинства, а заодно о своей превосходящей огневой мощи и вздумал поиграть в войну.

Пока человек в темных очках, носивший на рукаве новенького камуфляжного бушлата эмблему российского миротворческого контингента, с сожалением смотрел в спину улепетывающему Аскерову поверх пистолетного ствола, гадая, не оставить ли все-таки старому подонку хотя бы отметину на долгую память, араб успел пальнуть в него четырежды. Пули легли далеко от цели, и притом с большим разбросом, из чего следовало, что бен Галаби либо очень скверный стрелок (что не соответствовало действительности), либо напуган до полусмерти (что также было сомнительно), либо просто стреляет впопыхах, на бегу. Последнее больше походило на правду; напутствовав убегающего чеченца странными словами: «Запас карман не тянет», человек в темных очках обернулся как раз вовремя, чтобы заметить скрывающуюся за углом сарая фигуру араба. Эмиссар «Аль-Каиды» явно считал свою шкуру чересчур ценной, чтобы рисковать ею в случайной перестрелке. Здесь, в Кодорском ущелье, у него были дела поважнее, чем демонстрировать свою воинскую доблесть и присущее

воинам ислама презрение к смерти.

Миротворец (всякий раз, пытаясь соотнести это слово со своей персоной, он покатывался со смеху), пригибаясь, обогнул угол сарая. Впереди еще слабо колыхался потревоженный бурьян, из которого торчали обломки каких-то стен и сложенных из дикого необработанного камня оград. За поросшей сорной травой рукотворной террасой, на которой, надо полагать, когда-то росло что-то более культурное и полезное, чем крапива и бурьян, начинался крутой лесистый склон. Несколько больших камней, скатившись сверху и проломив заградительную стенку, лежали посреди бывшего огорода; словом, укрытий было хоть отбавляй, и араб мог затаиться за любым из них.

– Выходи, Вазир! – крикнул миротворец. – Игра в прятки – занятие для мальчика, но не для мужчины!

Ответом ему была короткая автоматная очередь, окатившая голову и плечи миротворца градом каменных осколков и заставившая его нырнуть в бурьян. Откатившись в сторону, он сразу же привстал на одно колено и увидел араба, который выглядывал из-за камня, держа наготове «Калашников». Ствол автомата быстро повернулся, нащупывая появившуюся в поле зрения цель, но «стечкин» с глушителем дважды глухо чихнул в его сторону. Выбитый из рук хозяина двумя резкими, мощными ударами автомат с деформированной в районе затвора ствольной коробкой и расколотым пластмассовым магазином отлетел в сторону. «А я сегодня в ударе, – подумал русский. – Что ни выстрел, то шедевр, хоть ты на выставку его отправляй!»

– А, шайтан! – послышалось из-за камня.

Затем прозвучали три pistolетных выстрела подряд; миротворец выстрелил в ответ, запорошив арабу глаза каменной пылью и заставив его спрятать голову. Затвор pistolета застрял в крайнем заднем положении, напоминая хозяину о том, что «стечкин», при всех его неоспоримых достоинствах, все-таки не «глок» и перезаряжать его надо вдвое чаще.

– Сдавайся, Вазир! – выбрасывая пустую обойму, крикнул миротворец. – Умей проигрывать с достоинством!

Араб не ответил. Он, чтоб ему пусто было, тоже умел считать и правильно оценил возникшую в перестрелке паузу. Бурьян затрещал, и миротворец увидел пятнистую фигуру, метнувшуюся к лесу через открытое пространство. Свежая обойма со щелчком встала на место; русский передернул затвор и быстро послал три пули вдогонку беглецу. Одна взметнула фонтанчик земли у правой ноги бен Галаби, вторая расплющилась о каменную стену слева от него, а последняя шевельнула волосы на голове, едва не отхватив кончик уха.

– Следующая будет в лодыжку, – пообещал миротворец. Говорил он, конечно, не шепотом, но и не особо напрягая голос, поскольку их с арабом разделяло никак не более десяти метров. – Поглядим, как ты поскачешь на одной ноге.

Вазир бен Галаби остановился и замер в странной позе, сгорбившись и вроде бы держась руками за живот, как будто с ним случился приступ так называемой «медвежьей болезни». Миротворец совсем уж было собрался пошутить по этому поводу – настроение у него было вполне подходящее для шуток, поскольку долгая и нелегкая работа увенчалась наконец успехом, – но тут он сообразил, что еще напоминает ему эта поза, и желание шутить разом пропало.

– Не делай глупостей, Вазир! – крикнул он. – Я всего лишь хочу по...

Договорить он не успел. Вазир бен Галаби сделал резкое движение обеими руками, как будто разрывая что-то. Араб бросил гранату, даже не обернувшись, через плечо.

«Как знал, черт бородатый», – успел подумать человек в темных очках, ныряя в укрытие.

Когда сверху перестали градом сыпаться осколки, камни и комья выброшенной взрывом мокрой земли и миротворец сел, трясая головой и моргая запорошенными пылью глазами, оказалось, что вязаной шапочки на нем нет, во рту полно земли, в ушах звенит, а глаза нестерпимо режет яркий солнечный свет, потому что темные очки бесследно пропали. Эмблема миротворческого контингента пропала тоже, причем не сама по себе, а вместе с приличным куском рукава, к которому была пришита. Теперь на этом месте зияла здоровенная прореха, по краям которой торчали дымящиеся клочья ваты. Сквозь прореху виднелось голое плечо – к счастью, даже непоцарапанное.

– Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие, – пробормотал русский, не услышав собственного голоса из-за звона в ушах.

Он встал, опираясь на стену и оглядываясь по сторонам в ожидании выстрела, но араба, естественно, уже и след простыл. Миротворец немного постоял, держась за шершавую штукатурку, давая глазам привыкнуть к свету и переживая комариное зудение в ушах, свидетельствовавшее о легкой контузии. Боевой опыт, которому позавидовал бы и Железный Мамед Аскеров, помог свести последствия внезапной выходки проклятого араба к минимуму: падая в бурьян, даже не успев ни о чем подумать, русский зажал уши ладонями и широко открыл рот. Это спасло его барабанные перепонки, а в остальном – просто повезло. То, что он уцелел при взрыве гранаты, которая едва-едва не угодила прямо ему в лоб, можно было считать редкостной удачей. А вот то, что арабу удалось уйти...

Сквозь постепенно стихающий тонкий писк в ушах он расслышал, как хлопнула автомобильная дверца. Не раздумывая ни секунды, человек бросился на звук. Движения его снова сделались уверенными. В пикапе зазвучала и тут же смолкла какая-то восточная мелодия: видимо, по дороге сюда вся банда наслаждалась музыкой. Кассета осталась в магнитофоне, и, когда бен Галаби повернул ключ зажигания, музыка включилась, как это и бывает в подобных случаях.

Араб совершил ошибку, потратив какую-то долю секунды на то, чтобы выключить магнитолу. Когда двигатель завелся, включать передачу стало уже некогда: вынырнувшая из-за угла фигура в растерзанной одежде вскинула пистолет с длинным набалдашником глушителя и трижды спустила курок. Пикап тяжело клюнул носом, осев на простреленные передние колеса, из пробитого радиатора ударила струя антифриза. Дуло пистолета смотрело сквозь ветровое стекло прямо в лоб Вазиру бен Галаби, и араб понял, что на этот раз игра действительно окончена.

– Выходи, Вазир, – сказал русский и начал обходить машину с той стороны, где перед открытым окном сидел окаменевший в предчувствии неизбежного араб. – Пошутили, и хватит. Бросай пистолет. Бросай, слышишь?

Голос у него был хриплый и уже далеко не такой веселый, как раньше, но на ногах он стоял твердо, а пистолет держал обеими руками – скорее для солидности, чем по необходимости. Удлиненный глушителем ствол ни разу не

дрогнул и, куда бы ни перемещался стрелок, смотрел все время в одну и ту же точку на левой щеке бен Галаби. У араба было такое ощущение, словно этот ствол туда упирается – твердый, гладкий, теплый от недавней стрельбы, пахнувший пороховой гарью и оружейной смазкой. Уже начиная скучать по этому привычному, родному для каждого воина запаху, Вазир бен Галаби переложил «глок» в левую руку, рукояткой вперед просунул его в окно и разжал пальцы. Пистолет лязгнул, ударившись о железо подножки, и с глухим стуком упал на землю.

Бен Галаби протянул правую руку и нащупал наспех смонтированный перед поездкой переключатель под приборной панелью – там, где до него было легко дотянуться в случае необходимости, но где он был надежно защищен от случайного прикосновения.

– Выходи, – повторил русский. – И прошу тебя, постарайся обойтись без новых глупостей. Надеюсь, ты понимаешь, что жив до сих пор только потому, что мне нужно с тобой поговорить? Я мог убить тебя сразу, но я этого не хочу.

Вазир бен Галаби повернул голову и посмотрел в лицо своему врагу. Он увидел обычную картину – не лицо, а амбразура дота, орудийный щиток или лобовая броня танка, как у всякого, кто целится в вас из пистолета, держа напряженный палец на спусковом крючке. Араб знал, что видит лишь маску, за которой скрывается нечто куда более опасное, чем его, Вазира бен Галаби, насильственная смерть.

Его пальцы откинули защитный плексигласовый колпачок и сомкнулись на тумблере переключателя.

– Да, – сказал араб, глядя вверх головы неверного в ясное холодное небо, – ты не хочешь меня убивать. Я знаю, чего ты хочешь на самом деле.

– Не делай глупостей, Вазир! – закричал русский, догадавшийся о том, что будет дальше.

– Алла акбар, – сообщил ему бен Галаби и перебросил тумблер.

Два килограмма пластиковой взрывчатки мгновенно превратили мощный пикап в груды яростно пылающих обломков. Взрывная волна опрокинула русского,

успешного только присесть на корточки и закрыть голову руками, и отшвырнула прочь, как клочок бумаги. Он чувствительно приложился всем телом к чему-то твердому и плоскому, а в следующее мгновение в стену над ним с грохотом и лязгом ударилась охваченная пламенем автомобильная дверца. Миротворец успел выбросить перед собой ногу и оттолкнуть подошвой американского армейского ботинка тяжелое пылающее железо, после чего потерял сознание.

Очнулся он довольно быстро и сразу же сел, выставив перед собой пистолет. Впрочем, вокруг по-прежнему стояла тишина. В неглубокой воронке догорали покореженные останки пикапа. Ощупав себя и убедившись, что серьезных повреждений нет, миротворец с трудом поднялся на ноги.

– Я же говорю – дурак-дураком, – сказал он, глядя на дымящуюся воронку.

С чувством плюнул и побрел в дом: надо было найти фляжку, потому что внутри все пересохло и, казалось, растрескалось от жажды.

Глава 4

Поезд, составленный из порожних товарных вагонов и цистерн, стоял на запасных путях узловой станции. Черный бархат ставропольской ночи был лишь кое-где проколот огнями далеких фонарей и тлеющими красными угольками бессонных семафоров; откуда-то издалека доносились лязг буферов, свистки маневровых тепловозов и неразборчивое бормотание репродукторов, дававших указания сцепщикам. Был глухой предрассветный час, когда все, кто может себе это позволить, спят каменным беспробудным сном, а те, кому по долгу службы приходится бодрствовать, утрачивают связь с реальностью и отличаются от спящих лишь тем, что продолжают двигаться и говорить.

На разгрузочной площадке, корявый бетон которой был припорошен цементом, песком и угольной пылью, присыпан щебнем и осколками битого кирпича – словом, запятнан следами всех грузов, побывавших тут, – стояли три большегрузных тентованных трейлера, которым, учитывая специфику данного места, здесь, казалось бы, было совершенно нечего делать. Установленные на решетчатых фермах мостового подъемного крана прожекторы заливали площадку беспощадным режущим светом; по периметру площадки, за гранью

светового круга, через равные промежутки стояли вооруженные автоматами люди в армейском камуфляже без знаков различия. Двигатели всех трех грузовиков продолжали ворчать на холостом ходу, и подсвеченные мощными галогенными лампами клубы сизого дыма из выхлопных труб стелились над землей жемчужным туманом. Какой-то крупный, грузный мужчина, одетый не то как разведчик на задании, не то как рыбак или охотник, нервно дымя сигаретой, прохаживался перед машинами. Его густая черная борода в свете прожекторов отливала синевой, как и металл висевшего у него за плечом дулом вниз автомата, на голове вместо армейского кепи красовалась круглая войлочная шапочка. Огонек его сигареты при таком ярком освещении казался соломенно-желтым, как раскаленный почти до температуры плавления металл или электрическая лампочка; запрятанные под кустистыми бровями глаза настороженно посверкивали, а огромный с характерной кавказской горбинкой нос блестел, как лакированный.

Услышав хруст щебня под чьими-то неторопливыми, уверенными шагами, кавказец перестал расхаживать из стороны в сторону и повернулся на звук, привычно опустив широкую ладонь на холодный казенник автомата. Из темноты на освещенную погрузочную рампу, как на театральную сцену, шагнул человек в милицейской форме. Узнав человека, которого с нетерпением дожидался, кавказец шагнул ему навстречу. Их ладони встретились; капитан коротко кивнул, приветствуя старого партнера по бизнесу, а кавказец расплылся в широкой, радостной улыбке.

– Здравствуй, дорогой! – нараспев заговорил он с сильным грузинским акцентом. – Сколько лет, сколько зим!

– Не так уж и много, – отрывисто ответил капитан. Он все время озирался, словно опасался быть застигнутым на месте преступления, хотя оснований для беспокойства у него было куда меньше, чем у грузина. Но, с другой стороны, в случае чего он и терял несоизмеримо больше, чем его деловой партнер... – Не так уж и много, батоно Гогия. Если мне не изменяет память, в последний раз мы встречались не больше месяца назад. Что-то ты зачистил.

– А что в мире делается, э? – с кавказским темпераментом воскликнул собеседник. – Газеты читаешь, телевизор смотришь – плакать хочется, клянусь! Людей жалко, слушай! Каждому жить хочется, нет? И не просто жить, а по-человечески! Мы с тобой людям помогаем, Володя, дорогой! Ты же милиционер, тебе за это деньги платят!

– Деньги мне платят за другое, батоно, – мрачновато напомнил капитан.

– А за это не платят, нет? – с лукавством, которое очень плохо сочеталось с его представительной фигурой и в особенности воинственной экипировкой, спросил грузин.

– Тебя, черта носатого, не переспоришь, – проворчал милиционер. – Тебе слово, а ты в ответ десять... Ладно, выгружай. Время не ждет, рассвет скоро.

– Вот это правильно, Володя, вот это верно, дорогой. Мудрое решение!

Повернувшись к грузовикам, Гогия махнул толстой, как окорок, ручищей, и возле трейлеров немедленно началась деловитая суета. Зазвучали негромкие команды на непонятном языке, неведь откуда возникшие автоматчики сноровисто отстегнули задние клапаны тентов, и из машин горохом посыпались смуглые, скверно одетые люди. Их было много – кажется, гораздо больше, чем могло поместиться в трех машинах, если только люди не лежали там штабелями, как дрова. Капитан старался не думать о том, что они уже пережили и что им еще предстоит пережить в дороге. Вообще-то, судьба этих людей его ничуть не волновала, для него они были просто грузом, за беспрепятственный транзит которого через эту узловую станцию ему действительно очень неплохо платили, но стоило лишь на мгновение представить себя на их месте, как по коже начинали бегать зябкие мурашки.

Автоматчики, которые до сих пор охраняли периметр площадки, вышли на свет и построились широким коридором. Этот коридор, постепенно сужаясь клином, вел от трейлеров к распахнутым дверям одного из стоявших на насыпи товарных вагонов. Торопливо и неуклюже передвигаясь на подгибающихся, затекших от долгой неподвижности ногах, люди из грузовиков бежали к вагону и забирались в него по приставной железной лесенке. Двое автоматчиков следили за тем, чтобы при погрузке не возникла давка; вообще, все это напоминало картину, которую капитан по имени Володя неоднократно наблюдал при транспортировке по этапу крупных партий заключенных, – не хватало разве что собак. Каждый из тех, кто бежал по живому, оцетинившемуся автоматными стволами коридору, нес на себе небольшой тук – надо полагать, со своими скудными пожитками. Хотя...

– Послушай, батоно, – с хорошо разыгранной рассеянной небрежностью произнес милиционер, пробегая большим пальцем по срезу толстой пачки денежных купюр, которую только что вручил ему грузин, – тебе не кажется, что груз стал приходить слишком часто? Да и партии заметно увеличились, а это уже небезопасно. Тебе-то что – сбыл их с рук и свободен. А я потом трясись как овечий хвост, пока они до места не доберутся...

– Э, Володя, дорогой, зачем меня спрашиваешь? – нараспев, как тамада на свадьбе, затянул грузин. – Слушай, кто я такой? Я проводник, понимаешь? Простой проводник. У меня семья, дети, все кушать хотят, как умею, на хлеб зарабатываю. По мне, Володя, чем чаще, тем лучше. А сколько и когда их приходит – не мое дело, пойми, дорогой. Зачем мне жалуешься? Я тоже жаловаться могу. Ты мне пожалуешься, я тебе – делу от этого ни горячо ни холодно. Понимаешь, да?

– А что это они в руках тащат? – подозрительно осведомился милиционер, в которого сегодня словно бес вселился: понимая, что разговаривать с проводником действительно бесполезно, он все-таки не мог смолчать и продолжал задавать ненужные вопросы.

– А я знаю, э? – развел руками батоно Гогия. – Я не таможня, слушай! Подштанники свои, наверное, что еще они могут тащить?

– Подштанники... Что-то я сомневаюсь, батоно. Откуда, говоришь, эта партия?

– Я ничего не говорил, дорогой, тебе послышалось, наверное. Из Афганистана, кажется. Я не уточнял, но из нормальных, человеческих языков они только фарси знают.

– Фарси... – капитан поморщился. – Это, по-твоему, человеческий язык?

– Кому как, дорогой. Если больше трех человек одинаково разговаривают – это уже язык. Их даже тут больше трех, э? А сколько еще там, в горах, осталось, представляешь?

– Представляю, – буркнул капитан, с неудовольствием глядя на одетую в одинаково серые, грязные обноски толпу. Он закурил, с силой выдохнул дым сквозь стиснутые зубы и снова обернулся к грузину: – И чем они там, в своих

горах, занимаются, тоже представляю, и очень даже хорошо. Потому-то, Гогия, мне и не нравится, что их так много и что у каждого в руках тючок.

Грузин помолчал, докуривая сигарету, потом растер подошвой коротенький окурок, оставив на бетоне похожий на хвост кометы черный след, и сейчас же закурил снова.

– Я простой проводник, Володя, – негромко повторил он, окутываясь дымом. Странно, но грузинский акцент из его речи почти исчез. – Я знаю очень мало и был бы рад, если б знал еще меньше. Я знаю, например, за что тебе платят. Тебе, Володя, платят за то, чтобы ты держал глаза и уши закрытыми, когда я доставляю сюда груз. Мне платят за доставку, а тебе – за глухоту, слепоту и немоту. Если бы тебе платили за то, что задаешь вопросы, а мне – за то, что я на них отвечаю, было бы лучше. Слушай, было бы совсем хорошо! Сели бы за стол, пили бы вино, кушали шашлык и разговаривали: ты мне вопрос, я тебе – ответ... Но у нас с тобой все немножко по-другому. Из нас с тобой, если будем так себя вести, из самих шашлык сделают и под цинандали скушают, понимаешь?

– Понимаю, – еще угрюмее, чем раньше, откликнулся капитан. – А ты понимаешь, чем я рискую? Ты понимаешь, батоно, что пара десятков нелегалов и вот это, – он раздраженно ткнул сигаретой в сторону товарного вагона, куда в неестественной тишине продолжали грузиться оборванные, усталые люди, – разные вещи? Плюс вооруженный эскорт. Скажи правду: хоть кто-нибудь еще из всей твоей банды, кроме тебя, знает хоть пару слов по-русски? Простой проводник... Не вешай мне лапшу на уши, Гогия! Ты – мой единственный контакт с той стороной, так к кому же мне еще обратиться? Вы теряете осторожность, батоно, и это, учти, не только мое мнение. Пойми, мне тоже задают вопросы, и что, спрашивается, я должен отвечать?

– Хм... – грузин кашлянул в кулак и задумчиво расчесал пятерней густую бороду. – Тоже правильно, дорогой. Хорошо, я тебе отвечу. – Он полез за пазуху и выудил оттуда еще одну пачку денег. – Это хороший ответ, правда?

– Он мог бы быть и подробнее, – заметил капитан, взвешивая пачку на ладони и убирая ее в карман.

– Может быть, дорогой, может быть. Но другого ответа у меня сейчас нет, и тебе придется передать его тем, кто задает тебе вопросы.

– Как у тебя все просто, – проворчал милиционер.

– А зачем лишние сложности, э? – весело изумился батано Гогия. – Слушай сюда, я тебе сейчас объясню. Вот смотри. Возьмем моего деда. Уважаемый был человек, хотя всю жизнь верхом на ишаке ездил. Ишаку что надо? Травки пощипал, водой из ручья запил и доволен, да? Совсем просто, слушай! Мой отец вырос, взрослый стал, в город съездил, сказал: не хочу ишака, хочу машину! Много работал, мандарины выращивал, в Москву возил, на рынке продавал. Накопил денег, купил «Волгу». Что дальше? Резину купи, запчасти купи, карбюратор барахлит – чини, днище гниет – вари... Уже сложно, э?! Я на него смотрел, думал: не хочу «Волгу», хочу хорошую машину! Деньги заработал, купил иномарку. Ай, молодец, Гогия, хорошо сделал! Электронное зажигание есть, коробка-автомат есть, кондиционер есть – все есть, слушай! Только фирменного сервиса в горах нет. Все ломается, а руками, как «Волгу», уже не починишь. Вай-вай, горе мне! Зачем сам себе так сложно сделал, э?! Горы кругом те же самые, люди те же самые, зачем на ишаке ездить не хотел? Где ишак пройдет, ни один джип не проедет. Бензин не надо, сервис не надо, даже резина не надо, слушай! Хорошая штука – ишак, а пересесть на него уже нельзя – соседи засмеют... Из простого сложное сделать легко, а из сложного простое – трудно, Володя, тяжело, дорогой! Не ищи сложности, прошу, они тебя сами найдут.

– Ну, хватит, – оборвал его пространные рассуждения капитан. – Завел свою говорильню, уши вянут. Понял я тебя, понял. А все-таки, батано, быть бы вам поаккуратнее. Ну вот что вы творите, а? Что это такое, скажи ты мне на милость?!

Грузин, который, невзирая на просьбу капитана, уже открыл рот, чтобы заговорить снова, промолчал и вгляделся туда, куда, как указка, была направлена дымящаяся сигарета милиционера. Там не было ничего особенного: толпа у металлической лесенки уже рассосалась, на насыпи осталось всего десятка полтора человек, и автоматчики в камуфляже подносили к вагону пластиковые канистры с водой и армейские вещмешки с сухарями. Это не было проявлением человеколюбия: голод и жажда часто не просто убивают, а для начала сводят с ума. А сумасшедшему, особенно буйному, плевать на конспирацию, он кричит и бросается на запертые снаружи двери, привлекая ненужное внимание...

– А что такое, дорогой? – искренне изумился батоно Гогия. – Все как обычно. Даже те, кто говорит на фарси, должны что-то пить и есть.

– Ты дурачка-то из себя не строй, – злобно процедил сквозь стиснутые зубы милиционер. – Глаза разуй, батоно! Ты что, не видишь? Там же пацан!

– Где пацан? Какой пацан? – притворно всполошился проводник. – А, этот, – протянул он, будто только сейчас заметив мальчика лет десяти, терпеливо стоявшего рядом с какой-то женщиной. – А что пацан? Мальчик как мальчик.

– А если он в дороге начнет скулить?

– Что говоришь, дорогой? Ему не два года, даже не пять – одиннадцать, слушай! Это уже почти мужчина. Я за ним смотрел. Он пешком всю дорогу прошел, ни разу не заплакал, клянусь!

– Это риск, батоно, – упрямо сказал капитан. – Большой дополнительный риск, и притом совершенно неоправданный.

– Что предлагаешь, э? Мне его усыновить, да? Не хочу, слушай, своих девать некуда! Ты, батоно Володя, сегодня не с той ноги встал. Ну, хочешь, давай мы с тобой скинемся, этой женщине деньги вернем, скажем: иди домой, дорогая, батоно капитан не хочет рисковать! Хочет дома перед телевизором сидеть, вино пить, виноград кушать и за это деньги получать. Она нам ответит: конечно, батоно Гогия, конечно, батоно Володя, дорогой! Все понимаю, домой пойду, даже деньги мне не надо... Как можно с таких хороших людей деньги брать, слушай?

– Хватит чушь пороть, – с отвращением процедил милиционер.

– Чушь, да? Правда, чушь, – с преувеличенно виноватым видом согласился грузин. – Она не так скажет, она кричать начнет, скандалить будет: зачем я последние деньги отдала – чтобы по горам пешком гулять, э?! Да, так нельзя. Ладно, я сейчас эту проблему решу, будешь доволен, Володя, дорогой.

С этими словами он сунул руку за отворот бушлата, извлек оттуда семнадцатизарядную, потертую и тусклую от долгого употребления «беретту»,

передернул затвор и прицелился в мальчишку раньше, чем капитан успел хотя бы открыть рот.

– Сейчас все сделаем, дорогой, – пробормотал проводник, щуря левый глаз и, как на стрельбище, поддерживая правую ладонь левой.

– Ты что, батано, охренел?! – вполголоса воскликнул милиционер и, вцепившись в руку с пистолетом, с заметным трудом пригнул ее к земле. – Ты мне здесь еще пальбу устрой!

– А что, нельзя? – притворно удивился грузин, невинно тараща глаза. Он снял оружие с боевого взвода, поставил на предохранитель и убрал за пазуху. – А что тогда предлагаешь, э?

– Ничего не предлагаю, – проворчал капитан. Мальчишка вместе с матерью у него на глазах поднялся по железной лесенке и растворился в черноте за открытой дверью вагона. – Подставляешь ты меня, батано. Друзья так не поступают.

– Разве я виноват, дорогой? – На этот раз в голосе кавказца звучало искреннее сочувствие. – Не я группы собираю. Думаешь, мне легко такое стадо по горам мимо пограничников тащить? Они ничего спрашивать не станут, сразу стрелять начнут, а мне это надо? Я кушать люблю, вино пить люблю, песни люблю, женщин... А стрелять не люблю и, чтобы в меня стреляли, тоже не люблю. Мне тоже трудно, Володя, дорогой. Что они там себе думают, слушай? Смерти нашей хотят, клянусь!

Капитан промолчал, поскольку не любил без толку молоть языком. Пророкотав по направляющим, дверь набитого битком вагона захлопнулась, запор с металлическим лязгом упал в гнездо. Один из автоматчиков, горбоносый, оливково-смуглый, с вьющейся ассирийской бородой и бархатистыми глазами библейского пророка, навесил и запер огромный амбарный замок, после чего продел в проушины запора кусок стальной проволоки и ловко щелкнул тяжелым железнодорожным пломбером. Вооруженный эскорт уже успел как-то незаметно рассосаться, и тяжелые трейлеры, сдержанно клопоча поношенными дизельными движками, один за другим поползли прочь. Некоторое время в темноте еще маячили тусклые габаритные огни замыкающей колонну машины, потом грузовик свернул, и огни пропали из вида. Прожекторы на мостовом кране

погасли со щелчком, отчетливо слышным даже внизу. Со стороны железнодорожной насыпи не доносилось ни звука, как будто опломбированный вагон загрузили под завязку не живыми людьми, а мешками с сахарным песком или цементом.

– Вот видишь, – сказал батоно Гогия капитану, – а ты волновался, дорогой. Не волнуйся! Того, кто пикнет, они сами придушат. Потому что, сам понимаешь, бегут они не от хорошей жизни, и домой возвращаться им не резон.

– Да уж, – криво усмехнувшись, согласился капитан, – от хорошей жизни в Россию не побежишь. У нас тут тоже не сахар, да...

Хрустя щебнем, они двинулись в сторону площадки, на которой остались их машины.

– Мир неправильно устроен, – светя себе под ноги карманным фонариком, негромко разглагольствовал батоно Гогия. – Смотри, сколько на свете голодранцев! А ведь, если все деньги, сколько их напечатано, разделить поровну, каждый миллионером станет. Каждый, Володя! Даже младенец, который еще не родился, и тот будет миллионером.

– Напиши письмо в ООН, батоно, – посоветовал капитан и широко зевнул. – Только я наперед знаю, что из этого получится.

– Что?

– Буханка хлеба станет сто тысяч баксов стоить, вот что. Или даже миллион. Потому что вилл с бассейнами на такое количество миллионеров не хватит, понял?

Красный огонек сигареты, которую курил грузин, мячиком запрыгал вверх-вниз – батоно Гогия кивал, соглашаясь со словами собеседника. Небо на востоке уже начало наливаться предутренним светом, и на этом жемчужно-сером фоне впереди отчетливо проступали горбатые силуэты двух легковых автомобилей и зубчатая неподвижная линия замершей в полном безветрии мертвой травы. Напарники поднялись на насыпь, докурили сигареты и, пожав друг другу руки, молча расстались до следующего раза. Батоно Гогия не без труда втиснулся за руль потрепанной белой «шестерки» с местными номерами; стартер закудахтал,

как металлическая курица, вознамерившаяся снести противотанковую мину, двигатель пару раз чихнул и завелся с оглушительным ревом. Проводник сбросил газ, включил фары, с хрустом воткнул передачу, и старая рабочая машина, брэнча, как пустое ведро, покатила по смутно белеющей в предрассветных сумерках грунтовой дороге в сторону предгорий Кавказа.

Капитан закурил еще одну сигарету и стоял на дороге до тех пор, пока рубиновые габаритные огни «шестерки» не скрылись за дальним поворотом. Тогда он растоптал окурки и двинулся к своей машине – приобретенному в кредит серебристому внедорожнику «шевроле-нива», из салона которого еще не выветрился восхитительный, пьянящий запах новенького, с иголки, автомобиля. В тот момент, когда он открыл дверцу, позади, на запасном пути, залязгали вагонные буфера: к составу порожняка, дожидаясь отправки в центральные регионы России, подали тепловоз.

* * *

Глеб Сиверов лежал на застеленной синим шерстяным одеялом железной койке, задрал на спинку ноги в прочных ботинках американского армейского образца. Он курил, стряхивая пепел в стоящую на прикроватной тумбочке консервную банку, и разговаривал по мобильному телефону. От установленной в центре пятиместной брезентовой палатки железной печки тянуло ровным теплом и удушливым запахом солярки. Центральный столб, на который опирался латаный-перелатаный брезентовый шатер, представлял собой неошкуренную суковатую жердь; на одном суке висела пара автоматов с откидными прикладами и две поцарапанные стальные каски, с другого свисал пятнистый офицерский бушлат с цигейковым воротником и полевая сумка. Кобура, из которой выглядывал тяжелый «стечкин», висела на спинке кровати в изголовье. По брезенту прямо над головой у Сиверова ползала крупная, уже прихваченная осенним холодком и оттого казавшаяся пьяной муха, и, разговаривая, Слепой наблюдал за ее бесцельными перемещениями.

– Это не командировка, – говорил он в трубку, – это самый настоящий отпуск. Жаль только, что штатских на этот курорт пока не пускают, не то я непременно вызвал бы тебя.

– По-моему, ты беззастенчиво врешь, – сообщила ему трубка голосом Ирины Быстрицкой.

– Ничего подобного, – самым убедительным тоном заявил Глеб. Он поменял местами скрещенные на спинке кровати ноги, сделал глубокую затяжку и с силой выдул дым кверху, целясь в муху. Мухе это окуривание явно не понравилось: она снялась с места и, сердито жужжа, пьяным зигзагом перелетела на один из автоматов. – Как тебя убедить? Чистый горный воздух, восхитительные пейзажи, почти бесплатные вино и фрукты... Купаться вот негде, это да. Но мы тут по утрам обливаемся холодной водичкой из ведра. В ведре ледышки позванивают, красота! Плеснешь разок на голую спину, потом целый день не ходишь, а летаешь... Особенно если плеснуть не на свою спину, а на чужую.

Ирина засмеялась, но Глебу почудилось, что смех ее прозвучал не слишком весело. Муха закончила обследовать казенник «Калашникова» и, усевшись на спусковом крючке, принялась чистить крылышки. Глеб дунул на нее дымом, но муха была далеко, и дымная струя рассеялась, не достигнув цели.

– А как там Москва? – спросил он.

Жена стала рассказывать. В Москве, по ее словам, все было как обычно: дождь, сырость, туман, листопад и бесконечные пробки. За тонкой брезентовой стеной, топоча, как табун лошадей, вразброд промаршировала в сторону столовой какая-то рота. Когда топот обутых в тяжелые солдатские башмаки ног стих в отдалении, стало слышно, как прапорщик Родионов, начальник упомянутой столовой, громогласно, изобретательно и абсолютно непечатно распекает какого-то воина, уличенного в краже казенных продуктов. Упоминались мясные консервы, хлеб и, главное, спирт, а также супоросая свинья, ненасытная утроба и богом проклятые алкаши, позорящие Вооруженные Силы Российской Федерации. Глеб плотнее прижал трубку к щеке и заткнул пальцем другое ухо, но голосу прапорщика Родионова такие помехи были нипочем: он проникал через любые преграды, вгрызаясь прямо в мозг, как ржавое сверло.

Сиверов делил палатку со своим коллегой и напарником майором ГРУ Борисом Шестаковым. Помимо кроватей и центрального столба, по совместительству служившего вешалкой, тут имелись обшарпанный письменный стол с ящиком полевого телефона и старенькой портативной радиостанцией, а также древний, выкрашенный облупившейся коричневой краской сейф, в котором, по идее, должны были храниться секретные документы. На деле там хранилось чистое белье, кое-какие продукты и сигареты. Сейф был заперт, но ключ обычно торчал

в замке. Сейчас на ключе болтался вывешенный Шестаковым для просушки носок, родной брат которого сох на колене печной трубы и, кажется, уже начал подгорать.

– Кстати, – сказала Ирина, на полуслове оборвав подробный рассказ о своей нелегкой, но убедительной победе над пьяницей сантехником из домоуправления, – вчера по телевизору передавали сюжет откуда-то из ваших краев. Там у вас взорвался какой-то араб, чуть ли не правая рука самого бен Ладена...

– Да что ты говоришь! – изумился Сиверов. – Впервые слышу. Каким же это ветром его занесло в Абхазию? Это, наверное, какая-то ошибка. А может, пропагандистский трюк.

– Опять врешь, курортник, – констатировала Ирина.

– Язык бледнолицего раздвоен и гибок, как жало змеи, – мрачно провозгласил Сиверов. – Не слушай его сладкие, извилистые речи...

Взгляд его в это время переместился туда, где прямо к брезенту палатки были булавками приколоты несколько не слишком качественных фотографий. Был среди них и портрет Вазира бен Галаби, обведенный кривой траурной рамкой. Рамку собственноручно и с нескрываемым удовольствием нарисовал Боря Шестаков после того, как Глеб вернулся с прогулки в горы в драном, обгоревшем бушлате. Он даже не поленился раздобыть для этой цели черный маркер, хотя, как и Глеб, понимал, что смерть араба нельзя с чистой совестью считать победой. Это было поражение, причем сокрушительное, разом перечеркнувшее результаты долгой, кропотливой работы. Бен Галаби был нужен живым; к сожалению, араб тоже это знал. Теперь все надо было начинать заново, и восторженные вопли газетчиков и телевизионщиков, спешащих с подачи небезызвестного департамента отыграть еще одно очко в информационной войне, не вызывали у тех, кто был осведомлен о реальной подоплеке событий, ничего, кроме глухого раздражения. Впрочем, таких людей можно было пересчитать по пальцам одной руки, и никто из них не спешил поделиться с журналистами своими соображениями по поводу безвременной кончины эмиссара «Аль-Каиды» Вазира бен Галаби.

– Ладно, бледнолицый, – вздохнув, сказала Ирина, – у меня перерыв заканчивается, надо бежать. Постарайся сделать так, чтобы после этого курорта тебе не пришлось лечиться.

– На все воля Аллаха, – с сильным среднеазиатским акцентом сообщил Сиверов.

– Я тебе покажу Аллаха! – пригрозила жена. – Ишь ты, нашел себе покровителя!

– Да уж, покровитель что надо, – согласился Глеб. – Наверное, будь на самом деле его воля... гм. Ну ладно, пока. Мне тоже пора, а то другие отдыхающие, того и гляди, уплетут мой обед, пока мы тут с тобой любезничаем...

Не успел он спрятать телефон в карман, как в низкий проем, согнувшись чуть ли не пополам, шагнул Борис Шестаков – веселый гигант, рубаха-парень, профессионал и изобретательный разгильдяй – «слуга царю, отец солдатам», как он сам себя называл. Работать с ним в паре было одно удовольствие – как, впрочем, и отдыхать, хотя иногда его неумное веселье и бесконечные выдумки вызвали обратный эффект и его хотелось выключить, как телевизор. Но надо отдать ему должное, он всегда очень чутко улавливал момент, когда его шутки начинали утомлять соседа по палатке, и либо менял тему разговора, либо просто замолкал.

В данный момент, однако, вид у него был хмурый и озабоченный, и чувствовалось, что ему не до шуток.

– Застава, в ружье! – негромко скомандовал он с порога.

Это было обычное приветствие, однако тон, каким его произнесли, подтвердил догадку Глеба: произошло что-то требующее немедленных и притом весьма решительных действий. Он одним движением сбросил ноги на дощатый настил пола и сел, одной рукой ввинчивая в консервную банку окурков, а другой снимая со спинки кровати кобуру с пистолетом.

– Что случилось? – спросил Сиверов, пристегивая пистолет к бедру.

– Благая весть, – сообщил Шестаков, хватая первый подвернувшийся под руку автомат и вешая его дулом вниз на плечо. – Крестничек твой проявился, Аскеров.

– Железный Мамед?

Глеб вскочил.

– Недолго ему осталось Железным называться, – предрек Шестаков. Он сдернул с печной трубы уже начавший дымиться и попахивать паленой тряпкой носок, бросил его на кровать, отыскал второй, бросил туда же, потом залез в сейф, выудил оттуда черствую горбушку и с волчьим аппетитом вонзил в нее крупные белые зубы. – Еще чуть-чуть, и он из Железного станет простодохлым Мамедом, – сообщил он, жуя.

– Ты можешь объяснить толком? – спросил Глеб, натягивая бушлат. Он снял с сучка второй автомат, проверил магазин и сунул «Калашников» под мышку.

– По дороге, – пообещал Борис, пинком прикрыл лязгнувшую дверцу сейфа и, пригнувшись, вынырнул из палатки.

Глеб последовал за ним. Машина Шестакова, выдавший виды «уазик», стояла у КПП. Ее мятые борта и брезентовый верх носили на себе следы долгой, богатой приключениями трудовой биографии, передние окна с обеих сторон были сняты: Шестаков не без оснований полагал, что лучше мерзнуть, чем погибнуть из-за того, что некуда было выставить ствол автомата. Двигатель продолжал работать, из чего следовало, что Борис действительно очень торопится и не хочет терять время, сражаясь с капризным стартером.

Часовой в бронежилете и каске лениво козырнул, приветствуя разведчиков. Шестаков прыгнул за руль и рванул с места раньше, чем Глеб успел захлопнуть дверцу, а часовой – до конца поднять шлагбаум. Поднятая колесами пыль заволокла оставшийся позади КПП и, как морская волна об утес, разбилась о броню прикрывавшего въезд в лагерь колесного БТР с эмблемой миротворческих сил на башенке.

Машину немилосердно швыряло и подбрасывало на неровностях разбитой тяжелой техникой дороги. Глеб цеплялся за приделанную к передней панели скобу и стоически молчал, следя лишь за тем, чтобы не напороться на ствол поставленного между колен автомата. Жаловаться было бесполезно, он и сам прекрасно знал, что в «уазике», как и в любом другом вездеходе, даже самом дорогом и комфортабельном, во время езды по плохой дороге относительно

комфортно может чувствовать себя только один человек – тот, кто сидит за рулем. У пассажиров выбор невелик: либо терпеть и помалкивать, чтобы ненароком не откусить себе язык, либо идти пешком.

Потом дорога стала чуточку ровнее, и Сиверов отважился открыть рот.

– Так что произошло с нашим уважаемым Мамедом?

Шестаков дернул уголком рта, изобразив саркастическую ухмылку.

– С нашим уважаемым Мамедом произошло то, что рано или поздно должно произойти с любым из этих козлов, – сказал он. – Ты так напугал нашего уважаемого Мамеда, что он кинулся бежать, не разбирая дороги, куда глаза глядят. А когда быстро бежишь, по сторонам смотреть некогда. Словом, Аскеров впопыхах сунулся туда, куда ему соваться не стоило, и не менее уважаемый Виссарион Агжба взял его за штаны.

– Вот черт, – отозвался Глеб Сиверов. – Ну, что ты тащишься, как вошь по мокрому месту? Гони, Боря, гони!

Майор прибавил газу, хотя это казалось невозможным. Сиверов откинулся на спинку сиденья, выудил из нашитого над коленом вместительного кармана плоскую, удобно изогнутую по форме бедра металлическую фляжку, свинтил колпачок, примерился и сделал пару глотков, ухитрившись не выбить себе передние зубы. Смачно крякнув, он сплюнул за окно и убрал фляжку на место. Шестаков промолчал: война – дело нелегкое, и в этих условиях каждый укрепляет свои душевные и физические силы, как умеет.

Глава 5

Мишка подобрал с насыпи очередной кусок щебенки – не слишком большой, но и не маленький, почти правильной формы, – взвесил его на ладони, примерился, щуря зеленый, опушенный рыжими, как у вредливого кота, ресницами глаз, а потом, выставив вперед левую ногу, резко метнул камень в цель. Он опять промазал – камень пролетел на добрых полметра левее установленной на

верхушке беленого бетонного столбика пивной бутылки и беззвучно канул в зарослях сорной травы под насыпью – только стебли качнулись да испуганно вспорхнула какая-то серенькая пичуга.

– Мазила, – сказал Витька Страхов, по прозвищу Страшила, и наклонился, перебирая щебень под ногами в поисках подходящего снаряда. – Гляди, как надо. На огневой рубеж выходит мастер спорта международного класса, чемпион мира...

Витька прицелился и бросил камень.

Бутылка осталась стоять, где стояла.

– Заговоренная, что ли? – сконфуженно пробормотал Страшила.

Он обхватил левой рукой правое запястье и с озабоченным видом повертел кистью, как будто сделать точный бросок ему помешала старая спортивная травма.

– Это не она, это ты заговоренный, – сказал Мишка. – Твою мамашу, когда она беременная была, ведьма сглазила, вот у нее ты и родился: вместо рук ноги, вместо ног руки, а вместо башки...

– Сам ты рыжий урод, – огрызнулся Витька.

Мишка почесал плоский живот под линялой, расползающейся от ветхости майкой и выпустил сквозь зубы длинный, как торпеда, плевок.

– Короче, смотри, как это делают нормальные пацаны, у которых руки растут откуда надо.

Он подобрал камень и сделал бросок. Раздался глухой звон, задетая бутылка неуверенно качнулась на своей ненадежной подставке, наклонилась и упала, еще раз глухо звякнув о присыпанную щебнем, поросшую жесткой травой землю.

– Ура! – прыгая по насыпи, дурашливо завопил Мишка. – Россия – чемпион!
Страшила – урод криворукий! Ур-р-ра-ааа!!!

– Это не считается! – так же громко завопил задетый за живое Витька. – Не считается, понял? Ты же ее только задел!

– Да пошел ты!.. – со свойственной всем подросткам мгновенно пробудившейся агрессией выкрикнул Мишка. – Я ее сбил? Сбил! Так какого хрена тебе надо?

– Это не считается! – скатываясь с насыпи и подбирая с земли несколько не пострадавшую бутылку, гнул свое Витька. – Гляди – целенькая!

Их голоса далеко разносились над прилегавшей к железной дороге плоской, уже принявшей рыжевато-бурую осеннюю окраску, кое-где ошетилившейся зарослями ивняка, скучной равниной. На приличном удалении от них виднелись серые шиферные крыши и торчащая кверху, как указательный палец, труба котельной, уже которое десятилетие подряд безуспешно пытавшаяся поцарапать нависший над ней купол неба. Сейчас, когда небо было затянуто низкими серыми тучами, эта задача казалась выполнимой, но – увы. Пейзаж – в особенности та его часть, что была отмечена печатью человеческой деятельности, – навевал чугунную тоску и беспросветную, безысходную скуку. По счастью, приятели, устроившие на железнодорожной насыпи подобие стрелкового тира, пока находились в том счастливом возрасте, когда тоска и скука посещают людей крайне редко и очень ненадолго. Обоим было по четырнадцать лет; они жили в одном дворе, учились в одном классе и с раннего детства были неразлучны.

– Так нечестно, – уже немного тише и спокойнее заявил Витька, снова пристраивая бутылку на верхушке придорожного столбика.

Рыжий Мишка стоял, балансируя на гладком, отполированном колесами тяжелых составов рельсе, и равнодушно смотрел на решетчатые фермы железнодорожного моста. Он достал из кармана куртки мятую, затертую пачку «Примы», выудил из-под неаккуратно надорванного клапана кривую морщинистую сигарету и, сунув ее в уголок рта, ловко, по-солдатски, прикурил от спички.

– Покурим? – быстро спросил снизу Витька.

– Хрен, завернутый в газету, заменяет сигарету, – лениво сообщил ему Мишка. – Айда к мосту!

– А чего мы там не видали?

– А тут ты чего не видал? – все так же лениво парировал Мишка. – А под мостом, может, рыбаки. Поглядим, чего поймали.

– А, – с легким разочарованием бросил Витька, карабкаясь на насыпь. – Чего на них глядеть? Если б самим порыбачить... Надо было удочки взять!

– Угу, – сплевывая едкую табачную слюну, саркастически промычал рыжий, – надо было. Мои старики охренели бы от счастья, если б увидели, как я с удочками в школу ухожу. Типа у нас лабораторная работа по биологии. Про рыб...

Витька выбрался на насыпь, отряхнул испачканные колени и протянул руку к дымящейся в зубах у приятеля сигарете. Витька отстранился, загоразиваясь локтем, потерял равновесие и был вынужден спрыгнуть с рельса. Сделав глубокую, длинную затяжку, он отдал Витьке коротенький окурочек, по краешку обведенный коричневым ободком проступившей сквозь бумагу смолы.

– Жлоб, – констатировал Витька, осматривая окурочек. – Тут курить-то нечего!

– Так отдай назад, – предложил Мишка. – Здоровее будешь.

Не дожидаясь ответа, он сунул руки в карманы и зашагал в сторону моста. Витька затянулся едким дымом, сделал пару шагов следом за приятелем, а потом, замешкавшись, оглянулся. Бутылка стояла там, где он ее оставил, – на верхушке коротенького беленого столбика с черным ободком и какими-то цифрами. Повинуясь внезапному порыву, Витька наклонился, подобрал первый подвернувшийся под руку кусок щебня и швырнул им в бутылку – просто так, не целясь, на прощанье. Бутылка подпрыгнула и с треском разлетелась на куски.

– Видал?! – радостно закричал Витька обернувшемуся на звук приятелю. – Как я ее, ты видал?! Раз – и вдребезги! Учись, пока я жив!

– Халява, – равнодушно и пренебрежительно заявил Мишка. – Дуракам везет.

Он решительно двинулся дальше, стараясь не показать, что уязвлен. В их с Витькой союзе именно он, Мишка Ежов, был главным. Он был сообразительнее, хитрее, сильнее и даже на полтора месяца старше приятеля. Витьке очень редко удавалось превзойти своего рыжего предводителя, а у того, увы, никогда не хватало великодушия порадоваться нечастым успехам друга, даже если успехи эти, вот как сейчас, оказывались чисто случайными.

Сердито хрустя промасленным щебнем и пинками ломая сухие стебли полыни, угнездившейся в трещинах старых, подгнивших шпал, Мишка Ежов обдумывал план мести. Не то чтобы он испытывал к Витьке какие-то недобрые чувства, но тот все еще продолжал радоваться своему случайному попаданию, и его следовало быстренько поставить на место. Рыжий Мишка, выросший в поселке с населением в десять тысяч человек, всего пару раз, да и то краем уха, слышал слово «самоутверждение», никогда не задумываясь над тем, что оно может означать. Естественно, ему и в голову не приходило, что он самоутверждается за счет Витьки-Страшилы. Просто он, как любое живое существо, следовал велению инстинкта, который невнятно, но настойчиво нашептывал, что вожаку в любой стае живется сытнее и легче, а значит, добиваться статуса вожака следует любой ценой, даже если твоя стая будет состоять всего из одного балбеса.

Способы, которыми Мишка доказывал свое превосходство над приятелем, не отличались большим разнообразием. Происходи дело между двумя взрослыми и чуточку более развитыми в умственном отношении людьми, проделки рыжего Мишки можно было бы назвать розыгрышами – не всегда смешными, очень редко остроумными, а сплошь и рядом попросту жестокими, но именно розыгрышами. Он мог угостить Витьку печеньем, намазав его толстым слоем белой, как крем, и горькой, как хина, цинковой мази, или просто выдернуть из-под него стул, на который приятель намеревался сесть. Однажды он наказывал печатными буквами пространное, безграмотное и в высшей степени неприличное признание в любви, подписал его «В. Страхов» и подбросил на стол молоденькой учительнице химии, полагая, что это отменная, очень смешная шутка. Смешно действительно было всем – кроме Витьки и химички, разумеется, но эти двое не в счет: как говорится, искусство требует жертв.

И вот сейчас Мишка шагал по шпалам, привычно сетуя на то, как неровно, неудобно они уложены, и, засунув руки в карманы, поглядывал по сторонам,

измышляя очередную каверзу. Как назло, на ум ничего подходящего не приходило, а он был не настолько зол на Витьку, чтобы просто с ним подраться. Вообще, по-настоящему они дрались только однажды. Кто-то научил Витьку играть в шахматы – не то чтобы играть, а лишь правильно передвигать фигуры, более или менее представляя, зачем это делается. Витька, естественно, сразу же приобщил к новому увлечению Мишку. Они действительно увлеклись этой игрой и резались в шахматы каждый божий день по два, а иногда и по три часа подряд в течение добрых полутора месяцев. Игроки они были примерно одинаковые, так что переменчивая Фортуна поворачивалась лицом то к одному, то к другому. Это продолжалось до тех пор, пока сосед дядя Саша не показал Витьке, как ставится «детский» мат в три хода. Витька опробовал новую тактику на своем приятеле и партнере и выиграл у него пять партий подряд – каждую в три несчастных хода, потому что Мишка никак не мог сосредоточиться и сообразить, как это, елки-палки, получается. Естественно, с каждым очередным проигрышем настроение у него делалось все хуже; Витька радостно гоготал, доводя его до белого каления и лишая остатков сообразительности. В конце концов Мишка осатанел, схватил приятеля за волосы и успел раза три ткнуть носом в доску с фигурами, прежде чем тот опомнился и дал ему сдачи. Они крепко подрались и не разговаривали целых три дня. Потом, конечно, помирились, но о шахматах ни один из них больше не заикался...

Впереди уже были хорошо видны решетчатые фермы моста, ржавая колючая проволока ограждения и выложенные квадратными бетонными плитами округлые земляные возвышения по обе стороны путей. На этих возвышениях, которые, как крепостные форты, охраняли подступы к мосту, виднелись приземистые серые сооружения с узкими горизонтальными окнами-бойницами, до того похожие на пулеметные гнезда, что просто не могли быть ничем иным. На провисшей, спутанной колючей проволоке криво болталась когда-то белая, а теперь рябая от ржавчины жестяная табличка. На ней еще можно было разглядеть остатки нанесенной красной краской надписи. Теперь надпись стала совсем неразборчивой, но еще пару лет назад на табличке, если подойти поближе, можно было прочесть грозное предупреждение: «Стоять! Запретная зона. Стреляют без предупреждения!» Впервые прочтя эту надпись, Витька Страхов слегка обалдел от неожиданности, но грамотный Мишка, старший брат которого служил в десанте, растолковал ему, что так и должно быть: мосты, особенно железнодорожные, – это стратегические оборонные объекты и должны строго охраняться даже в мирное время на случай возможной диверсии. Вот придут, скажем, чеченцы и взорвут мост – прикинь, сколько бабок понадобится, чтоб его заново построить!

Поразмыслив, Витька Страхов признал, что это правильно. Вот только охраны на мосту они с Мишкой так ни разу и не видали, не считая того случая, когда их прогнал оттуда какой-то мужик в камуфляже и болотных сапогах. Правда, вместо автомата, положенного бойцу, стерегущему стратегический военный объект, в руке у него была кривая суковатая дубина, так что скорее всего это был никакой не охранник, а самый обыкновенный рыбак. Бывают среди взрослых такие козлы, которых хлебом не корми, а дай на кого-нибудь наорать, прогнать откуда-нибудь и вообще продемонстрировать свое превосходство...

Шагая по шпалам, они вошли в запретную зону. Здесь Витька, как всегда, почувствовал себя как-то неуютно, словно в него со всех сторон и вправду целились невидимые охранники. Мишка испытывал схожие чувства, хотя, наверное, не признался бы в этом даже под пыткой. Но ничего не происходило, и страх, как обычно, пошел на убыль. Он исчез совсем, когда круглые насыпные холмы с капонирами остались позади, открыв взгляду откос противоположного берега и серую гладь речной воды, сквозь которую, как сквозь коричневое бутылочное стекло, смутно просвечивал белый песок отмелей. На реке, само собой, никого не было, да друзей это на самом деле и не интересовало. Просто Мишку всегда тянуло на этот мост, как будто ему тут было медом намазано, а Витька не имел ничего против: не все ли равно, где прогуливать уроки?

Заметив на краю насыпи кое-что интересное, Витька нагнулся и поднял железнодорожный костыль – рыжий от ржавчины, слегка искривленный, заостренный на конце, как кинжал, увесистый и длинный.

– Секи, Миха, – окликнул он приятеля и сделал выпад костылем, вонзив его в грудь воображаемого противника. – Мой меч – твоя голова с плеч!

– Говно это, а не меч, – равнодушно сообщил Мишка, в голове которого молнией блеснула гениальная идея.

Витька повертел костыль в руках. Да, конечно, чтобы хоть на время принять этот толстенный четырехгранный гвоздь за меч или хотя бы за нож, нужно было хорошенько напрячь воображение. Вот если бы он был плоский...

– Вообще, штука хорошая, – вторя его мыслям, сказал Мишка. – Вот если бы его расплющить...

В его голосе теперь явственно звучала подозрительная вкрадчивость, которой простодушный Витька, как всегда, не заметил. Он вообще ничего не замечал вокруг, обдумывая новую идею: расплющить...

Витька смотрел на отливающий голубизной рельс, а Мишка, пряча улыбку в уголках широкого ехидного рта, наблюдал за дружком. Он сам направил мысли приятеля в нужное русло и теперь мог читать их, как газету. Да оно и немудрено: мальчишки, растущие в двух шагах от железной дороги, считают насыпь и рельсы продолжением своего двора и чувствуют себя здесь как дома. Если, скажем, положить на рельс перед идущим поездом кусок щебня, тот взорвется под колесом, как петарда. Если вместо камня положить монетку, она превратится в тонюсенький блин, из гвоздя таким манером ничего не стоит соорудить отвертку или перочинный ножик... Правда, костыль – это не монетка и не гвоздь. Мишкин брательник, тот самый, что служил в десанте и набрался там всякой воинской премудрости, однажды по пьяному делу взялся делиться этой премудростью с Мишкой. Трезвый он бы ему такого нипочем не сказал, это факт, потому что сам вырос в поселке и отлично знал, в какие игры играет станционная шпана.

Так вот, как всякий нормальный десантник, Мишкин брательник прошел краткий курс диверсионной подготовки. Их там учили подкладывать взрывчатку, душить часовых проволокой, устраивать короткие замыкания на высоковольтных линиях и учинять в тылу противника всякие другие пакости при помощи всего, что под руку подвернется. И насчет железнодорожного костыля, каким рельсы приколачивают к шпалам, брательник ясно сказал: если эту вот хреновину правильно разместить на рельсе, тебе никакая взрывчатка не понадобится...

Мишка тогда, честно говоря, решил, что брательник просто перебрал самогонки. Что такое костыль и что такое тепловоз? Разве можно сравнивать?

Он снова посмотрел на Витьку. Витька посмотрел на костыль, потом снова на рельс и наконец перевел взгляд на Мишку. Это был отличный случай проверить, правду ли говорил тогда брат. Мишка не думал, что может произойти что-то по-настоящему плохое. С какой радости? Чего только они с Витькой и другими пацанами не вытворяли на дороге и что из этого вышло? Да ничего! Потому что тепловоз – это такая махина, которую с рельсов и трактором не свернешь.

Мишка Ежов в свои четырнадцать лет еще не вышел из того состояния, в котором окружающие кажутся нам не живыми людьми, а просто изображениями,

статистами, картонными фигурками, наделенными способностью двигаться и говорить. В большей или меньшей степени этому заблуждению подвержены все люди от мала до велика, просто взрослые, зажатые со всех сторон рамками писанных и неписанных законов, умеют скрывать то, чего дети даже не стесняются: своя рубашка ближе к телу, а на окружающих плевать, потому что – ну, кто они такие?

Поэтому, видя колебания приятеля, Мишка молча опустил на корточки и положил ладонь на гладкий, холодный, слегка влажный рельс. Рельс едва ощутимо вибрировал – где-то далеко, еще невидимый, шел тяжелый грузовой состав. «А если пассажирский?» – промелькнула у него в голове неожиданно трезвая, взрослая мысль. «А, ерунда, – легкомысленно отмахнулся от этого неудобного вопроса Мишка Ежов. – Ничего не случится. А если что, костыль убрать всегда успеем...»

– Ну, чего там? – нетерпеливо спросил Витька.

– Идет, – сказал Мишка. – Давай клади. Да не так, баран ты криворукий! Вот как надо, гляди!

Отобрав у приятеля увесистую железяку, Мишка пристроил ее на рельсе – именно так, как учил, вернувшись из армии и на радостях упившись до белых лошадей, брат-десантник.

Убедившись, что костыль лежит как надо и не свалится, друзья сбежали с насыпи и залегли в высокой траве, дожидаясь поезда.

* * *

Мамед Аскеров действительно дал маху, торопясь поскорее убраться как можно дальше от бешеного миротворца. Когда Железный Мамед обнаружил свою ошибку, было уже поздно и осталось только молить Аллаха о том, чтобы он в безграничной милости своей даровал старому воину быструю, легкую смерть.

Мамед Аскеров был старый воин, взявшийся за оружие еще при покойном генерале Дудаеве. Война – дело тяжелое, хлопотное, кровавое, а сплошь и рядом еще и очень грязное. Поэтому тот, кто на протяжении десятилетий

занимается данной работой на такой сравнительно небольшой территории, как Кавказ, неминуемо наживает множество врагов. А поскольку речь идет не о средней полосе России, Йоркшире или, не к ночи будь помянута, Калифорнии, а все-таки и именно о Кавказе, то это не просто враги, а враги кровные, и вендетта в их исполнении повергла бы в трепет даже самого воинственного и бесстрашного сицилийца.

Все началось, как это часто случается на войне, из-за сущего пустяка. Случилось так – к слову, не в первый и даже не во второй раз, – что сильно потрепанному в многочисленных жестоких стычках с федералами отряду Железного Мамеда пришлось отступить в Кодорское ущелье, чтобы там, вдали от военных действий, немного перевести дух и дожждаться обещанного подкрепления. Направляясь к своему базовому лагерю, отряд в темноте немного отклонился от маршрута и вторгся во владения клана, возглавляемого старым Виссарионом Агжбой.

Он действительно был стар и многое повидал на своем веку. Вторую мировую прошел от первого до последнего дня, успел нацарапать свое имя на одной из закопченных, исклеванных пулями и осколками колонн Рейхстага, после чего, словно этого было мало, прокатился по железной дороге через всю страну и дал прикурить японской императорской армии. В родные горы вернулся крепким тридцатилетним мужчиной с роскошными усами под орлиным носом и с капитанскими погонами на прямых, широких плечах. С тех пор утекло уже очень много воды, плечи его сгорбились, голова поседела, лицо прорезали глубокие морщины, но старый Агжба по-прежнему крепко стоял на ногах, имел прекрасное зрение, здоровые зубы, а главное – превосходную память.

Еще он имел пятерых сыновей и дочь, красавицу Лею, которая родилась от его третьей жены, когда ему стукнуло семьдесят. Сыновья его были угрюмыми неразговорчивыми гигантами, до самых глаз заросшими спутанными смоляными бородами и более всего похожими на разбойников из детской книжки. Что же до Леи, то красавицей она являлась только в представлении своего уважаемого отца. Пышнотелая, с тонкими запястьями и лодыжками, Лея имела длинную тонкую шею, на которой сидела крошечная костистая головка, в профиль до того похожая на голову небезызвестного домашнего животного, что за глаза Лею не называли иначе как Верблюдицей. Верхнюю губу под огромным горбатым носом украшали довольно густые темные усики, а крупные неровные зубы так сильно выдавались вперед, что постоянно норовили вылезти наружу из-под тонких некрасивых губ. Картину дополняли тусклые жидкие волосы, глаза

навыкاته и огромные косолапые ступни. Лея была глупа как пробка, не умела ни читать, ни писать, а неуклюжестью уступала разве что карьерному самосвалу с испорченным рулевым управлением. Но зато ее выпученные глаза обладали орлиной зоркостью, и стреляла красавица Лея отменно.

Обнаружилось это еще в довольно нежном возрасте, лет этак в двенадцать, когда малышка Лея стала достаточно сильна для того, чтобы самостоятельно, без посторонней помощи, держать на весу ружье. Рассказ о том, как пучеглазая кроха, уже тогда получившая обидное прозвище Верблюдица, со ста шагов вышибла мозги волку, ухитрившись даже не задеть овцу, которую тот пытался уволочь, так долго ходил из конца в конец ущелья, отражаясь от скал и неприступных каменных башен, некогда украшавших собою каждое родовое гнездо, что в конце концов превратился в легенду. В основе его лежал простой, вполне достоверный факт – девочка взяла ружье, быстро прицелилась и спустила курок, волк кувыркнулся через голову и замер, а получившая свободу овца поднялась с земли и, хромая, с жалобным блеяньем потрусилась прочь, – но от многочисленных пересказов легенда полностью утратила правдоподобие. Впрочем, это уже неважно, поскольку вокруг имени красавицы Леи вскорости возникло множество других, куда более мрачных легенд.

Сваны – народ воинственный, пограничный, закаленный столетиями войн и набегов. Старшие братья Верблюдицы Леи не раз и не два ходили горными тропами в Чечню, возвращаясь оттуда с пачками денег. И в один прекрасный день Лея объявила о своем твердом намерении пойти вместе с ними.

Ей, можно сказать, повезло. В тот день, хлопоча по хозяйству, она превзошла себя, заметно превысив обычную норму мелких разрушений, что неизменно сопровождали эти ее хлопоты. Этого не выдержали даже железные нервы старого Виссариона Агжбы, и на решительное заявление дочери он не менее решительно предложил ей катиться на все четыре стороны.

Немного остыв и хорошенько поразмыслив, старый Виссарион не стал менять свое решение: в конце концов, это был отличный способ заработать приданое, размеры которого заставили бы любого жениха согласиться с мнением Агжбы по поводу внешности его дочери. Наказав сыновьям, самому старшему из которых вскоре должно было исполниться шестьдесят, а самому младшему – двадцать пять, присматривать за сестрой, старый Виссарион проводил детей и стал ждать их возвращения.

Они вернулись, и снова ушли, и опять вернулись, и каждый раз Верблюдица Лея приносила домой больше денег, чем все пятеро братьев, вместе взятых, поскольку действительно была отличным снайпером. Ее прозвище осталось прежним, поскольку внешнее сходство с самкой верблюда никуда не делось, но звучало оно теперь иначе – гордо и грозно, как и полагается звучать прозвищу отважного воина-горца. Это прозвище с должным уважением произносили Басаев и Хаттаб; федералы объявили за голову Верблюдицы Леи награду, размер которой увеличивался пропорционально увеличению количества зарубок на прикладе ее любимой СВД, подаренной старшим братом, Григорием Агжбой. Девичья честь красавицы Леи была в полной безопасности под охраной пятерых угрюмых великанов, а после парочки инцидентов, виновники которых умерли раньше, чем успели пожалеть о неосторожно брошенном грязном намеке, над головой Леи, похожей на высохшую головку мака, простерлась оберегающая длань самого Хаттаба.

Если бы в то утро, когда остатки потрепанного федералами отряда Железного Мамеда забрели в окрестности родовой крепости клана Агжба, старый Виссарион и его сыновья были дома, ничего бы, наверное, не случилось. Скорее всего Мамед Аскеров и старый Виссарион сумели бы как-то договориться, а если бы не сумели, Железный Мамед просто отступил бы, не рискуя вступить в бой с вооруженной до зубов группой отважных, сильных, а главное, опытных мужчин, засевших в доме, который предусмотрительные предки выстроили как крепость, способную выдержать и штурм, и долгую осаду. Но в то утро Верблюдица Лея была дома одна.

Железный Мамед отдал приказ остановиться на дневку неподалеку от дома, над которым торчала древняя, сложенная из дикого камня сторожевая вышка. Аскеров понятия не имел, чье это жилье; его это совершенно не интересовало, и он не желал обитателям этого места ничего плохого, ему в тот момент было не до грабежей. Еды его людям хватало, стекавший с горы ручей с избытком обеспечивал их чистой водой, так что нуждались они только в отдыхе. Со сноровкой бывалых вояк разложив бездымный костерок, они разогрели консервы и вскипятили чай.

Им никто не мешал, хотя наблюдение за ними велось, и притом очень пристальное: Верблюдица Лея, по своему умственному развитию во многом уступавшая двенадцатилетнему подростку, в это время как раз поднялась на верхушку сторожевой башенки и предавалась своей любимой забаве – разглядывала окрестности через оптический прицел СВД. Естественно, что,

заметив два десятка вооруженных людей, она сосредоточила на них все свое внимание, тем более что Железного Мамеда угораздило устроить привал в тени частично обрушившейся каменной стены, что ограждала родовое кладбище клана Агжба.

Аскеров не знал о том, что за стеной кладбище: человек, посланный им в разведку, был наемником из Саудовской Аравии, все эти местные тонкости волновали его очень мало, и сделанный им доклад о проведенной рекогносцировке уложился в одну коротенькую фразу: «Все чисто». Удовлетворившись этим, ибо вероятность быть настигнутыми федералами в здешних местах действительно почти равнялась нулю, Железный Мамед плотно позавтракал, назначил часовых и уснул каменным сном солдата, наконец-то получившего редкую возможность принять горизонтальное положение и, ни о чем не беспокоясь, вытянуть ноги.

В сущности, Мамед Аскеров, по прозвищу Железный Мамед, не был виноват в том, что произошло дальше. Верблюдица Лея также ни в чем не была виновата. Если кто и провинился, так это наемник-араб, по имени Саид ибн Керим, который не нашел лучшего места справить перед сном нужду, чем могила дедушки Верблюдицы Леи, Луарсаба Агжбы.

В оптический прицел своей любимой «драгуновки» Лея увидела, как какой-то человек с черной, как солдатский сапог, кожей спускает штаны с явным намерением усесться на корточки прямо над родной могилой. Видимо, справить большую нужду в тени обглоданного непогодой каменного креста показалось ибн Кериму отменной шуткой; часовой-чеченец, оседлавший гребень стены, похоже, разделял это мнение, а вот Верблюдица Лея с ним не согласилась. Она без лишней спешки, но споро, как и подобает бывалому солдату, распаковала водонепроницаемую сумку с боеприпасами, вставила обойму, передернула затвор и выразила свое несогласие, разнеся на куски непутевую черную голову Саида ибн Керима. Мозги араба брызнули во все стороны, и он упал, ударившись разможенным черепом о подножие креста, – как был, со спущенными до середины бедер штанами.

Сидевший на гребне низкой каменной стены часовой вскочил, озираясь, и взял автомат на изготовку, хотя и не знал, откуда грозит опасность. Верблюдица Лея сто раз бывала в подобных ситуациях и точно знала, как надо действовать. «Драгуновка» снова издала сухой, хлесткий звук, и труп часового с силой ударился лопатками о каменистую землю рода Агжба, взметнув в воздух

небольшое облачко пыли.

Пока отряд Железного Мамеда просыпался и прятался по щелям среди камней, Лея успела отправить к Аллаху еще пятерых. Это были хорошие воины; по правде говоря, даже рота российского спецназа вряд ли сумела бы нанести отряду Аскерова такой существенный урон за столь короткий срок. Лея стреляла с интервалами от секунды до полутора, и ни одна пуля не была истрачена напрасно. Первые пятнадцать-двадцать секунд боя больше напоминали стрельбу по мишеням в тире, если не расстрел.

Когда Железный Мамед пришел в себя, простая логика опытного полевого командира подсказала ему, куда следует смотреть. Он безо всякого бинокля разглядел в узкой бойнице вышки блеск отраженного оптикой солнечного луча. Он приказал открыть огонь и повел остатки своего отряда в наступление, хотя по-прежнему не знал, кого именно атакует.

Единственное, что он понимал, так это то, что их обстрелял какой-то снайпер – обстрелял и, надо полагать, не успел уйти, попал в ловушку и решил дорого продать свою жизнь. Цена, которую стрелок уже взял с отряда, была чересчур высока. Убедившись, что огонь и впрямь ведет всего один человек, Железный Мамед повел атаку по всем правилам военного искусства.

Укрываясь за камнями и деревьями, бойцы сумели подобраться ближе. При этом погибли еще двое. Радист упал ничком, придавленный тяжестью рации, а в следующее мгновение очередная меткая пуля окончательно оставила отряд Аскерова без связи: Верблюдица Лея знала, для чего предназначен серый железный ящик с ляжками и длинным усом антенны, и позаботилась о том, чтобы противник не вызвал подкрепление. Она забыла, где находится, забыла, что заставило ее в первый раз спустить курок; она просто стреляла, радуясь попаданиям и огорчаясь из-за промахов, которых становилось все больше по мере того, как пятнистые фигуры джигитов поднимались по склону, приближаясь к мертвой зоне.

Когда еще один выстрел округлил счет потерь, Железный Мамед осознал, что лишился ровно половины и без того небольшого отряда в совершенно бессмысленной стычке со снайпером-одиночкой. Аскеров расsvирепел настолько, что отказался от мысли взять стрелка живьем. Он подал знак гранатометчику; граната была всего одна, но, когда облако пыли над грудой обрушившихся с верхушки башни камней рассеялось, они увидели среди

обломков снайперскую винтовку с разбитым прицелом и лежащее в неестественной позе тело женщины в мешковатом платье.

Верблюдица Лея была еще жива, и умирать ей пришлось долго. Она умирала бы еще дольше, но Аскеров уже начал соображать, что произошло, и выстрелом из пистолета прекратил забаву, пока не вернулись другие обитатели дома.

Подвешенное за ноги к нижнему суку дерева голое окровавленное тело со вспоротым животом, выколотыми глазами и отрезанными ушами дернулось и обмякло, медленно вращаясь на веревке, как диковинное елочное украшение. Они подожгли все, что могло гореть, и ушли, но Аскеров не поленился заглянуть на кладбище и наконец понял, с кем так круто обошелся пять минут назад.

Разумеется, говорить со старым Виссарионом Агжбой и его сыновьями Железный Мамед не стал: разговорами и объяснениями мертвых не воскресишь. Кроме того, Аскеров понимал, что ему этого разговора все равно не пережить.

В горах не только свои обычаи и нравы, здесь еще и свои, сугубо специфические, способы распространения информации. Никто не видел, как поредевшая банда уходила, унося своих мертвецов; никто ничего не передавал Железному Мамеду ни письменно, ни на словах, ни каким-либо иным способом. Тем не менее уже через неделю он не догадывался и не подозревал, а знал наверняка: старому Агжбе известно все, и он поклялся отомстить. Эта клятва тогда не вызвала у Аскерова ничего, кроме досады: на войне умирают часто, но история вышла действительно глупая.

С тех пор прошло уже больше двух лет. Время от времени Аскеров слышал что-нибудь о старом Виссарионе и его сыновьях, которые, как голодные волки, рыскали по горам, пытаясь напасть на след Мамеда. Четверо из тех десяти, кому посчастливилось тогда вместе с ним уйти от пылающего дома Агжбы, уже были убиты; остальные не сетовали на судьбу и спали в обнимку с оружием.

Занятый важными делами, Аскеров не то чтобы забыл о той давней истории, но как-то отодвинул ее на второй план, особенно после встречи с миротворцем, предлагавшим купить партию ПЗРК «Стрела», и гибели эmissара «Аль-Каиды» Вазира бен Галаби, которого должен был беречь как зеницу ока. Должен был, но не сберег; Вазир погиб, люди Мамеда тоже, зато сам он не получил ни единой царапины. Ситуация выглядела вполне однозначно. Если бы к Аскерову пришел один из его бойцов и рассказал подобную историю, Железный Мамед не колебался бы ни секунды – вынул бы пистолет и пристрелил на месте трусливого

шакала, оставившего братьев умирать от рук неверных.

Он надеялся, что со временем это недоразумение как-то разъяснится, однако в данный момент умнее всего было где-нибудь отсидеться. И место для этого следовало найти по возможности тихое, максимально удаленное от Кодорского ущелья, где стало слишком много людей, мечтающих прибить к своим дверям старую, исполосованную шкурами Железного Мамеда.

Он ушел перед рассветом, взяв с собой пятерых людей – не просто бойцов, а братьев, которые уже давно воевали не за деньги и не за идеи, а за него, Мамеда Аскерова, своего командира. Трое из них участвовали в убийстве Верблюдицы Леи, но, как и сам Мамед, вспоминали об этом редко. Убийство на войне – самое обыкновенное дело, за каждым числилось великое множество трупов, и каждый из убитых почти наверняка имел родственников, которые при случае были бы рады за него отомстить.

Они двигались на северо-восток – естественно, настолько, насколько позволял рельеф местности, – старательно обходя редкие селения, военные лагеря в горах и заставы миротворцев. В конце третьего дня пути маленький отряд расположился на ночлег в дикой, безлюдной местности, где шансы кого-нибудь встретить практически равнялись нулю. И поэтому Мамед Аскеров не столько испугался, сколько изумился, когда на рассвете, разбуженный чувствительным пинком под ребра, открыл глаза и заглянул прямо в дуло автомата, который крепко сжимал в огромных волосатых лапах угрюмый, до самых глаз заросший густой, черной с проседью щетиной гигант – Григорий, старший сын Виссариона Агжбы.

Глава 6

Ахмет, бывший тележечник с Черкизовского рынка, а ныне заведующий складом Хромого Абдалло, его правая рука, уважаемый человек, возился с заедающим замком, который в начале и конце каждого рабочего дня так и норовил задержать его минут на пять, а то и на все полчаса, когда на присыпанной обрывками упаковочной бумаги и прочим мелким мусором асфальтированной площадке перед воротами остановилась темно-зеленая «семерка» с мятым передним крылом. Крыло было помято давно, на сгибах металла краска

отшелушилась, и в этих местах проступили рыжие пятна. Фары погасли, и Ахмет услышал характерный трескучий звук, с которым водитель резким рывком затянул ручной тормоз.

Продолжая возиться с упрямым замком, Ахмет бросил на машину косой взгляд через плечо, пряча в густых усах тень иронической улыбки. Хромой Абдалло был дисциплинированным водителем и никогда не забывал поставить машину на ручник, хотя толку от этого не было никакого: однажды его «семерка» стояла у ворот, мешая проехать грузовику с товаром, и Ахмет с рабочими втроем легко откатали ее в сторону. Ручной тормоз при этом был затянут до упора; строго говоря, если бы площадка перед ангаром имела хотя бы крошечный уклон, Абдалло уже не раз пострадал бы из-за своей излишней доверчивости, распространявшейся, правда, только на механизмы и никогда – на людей. Вот и сейчас, услышав треск затягиваемого ручника, Ахмет подумал, уж не является ли помятое крыло результатом этой самой доверчивости. Он будто наяву увидел оставленный без присмотра автомобиль, который, постояв немного, будто давая хозяину возможность отойти подальше, медленно трогается с места и, потихонечку набирая скорость, начинает катиться под уклон – прямо в заляпанную грязью корму какого-нибудь грузовика или просто в оставленный на проезжей части мусорный контейнер...

Абдалло выбрался из машины и, опираясь на палку, неторопливо двинулся к ангару. На фоне набитых битком мусорных контейнеров и заслякощенного, замусоренного асфальта его прямая, подтянутая фигура в сверкающих дорогах туфлях, безупречно отглаженных брюках, кожаном пиджаке и белоснежном облегающем свитере смотрелась очень импозантно – можно было подумать, что этот пожилой смуглый господин с серебряной шевелюрой и аккуратными седыми усиками просто заблудился по дороге в гостиничный комплекс «Измайлово».

Шепотом помянув упрямого шайтана, Ахмет сильно, с риском сломать, повернул ключ, и замок наконец-то уступил, открывшись с неприятным, сухим скрежетом, свидетельствующим о том, что он остро нуждается в смазке. Ахмет дернул его книзу, и дужка неохотно вышла из отверстия, показав испачканный рыжей ржавчиной конец.

Тем временем к нему подошел Абдалло. Мужчины поздоровались, строго соблюдая освященный многовековым обычаем ритуал приветствия. Ахмет, хоть и был когда-то школьным учителем с весьма широкими, прогрессивными

взглядами, не имел ничего против соблюдения обычаев, особенно если те не слишком мешали жить. Здесь, в Москве, где не было талибов, способных забить женщину камнями за появление на людях с открытым лицом, соблюдать обычаи было даже приятно. Они напоминали о родине и лишней раз подчеркивали то обстоятельство, что Ахмет и Абдалло, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении, принадлежат к одному кругу лиц, куда посторонних не пускают.

– Как ты себя чувствуешь, уважаемый Ахмет? – с улыбкой поинтересовался Хромой Абдалло, разминая пальцами первую в это утро и оттого самую долгожданную сигарету. – Не скучаешь ли ты по своей тележке?

– Благодарю вас, господин, – вежливо поклонился Ахмет. – Моя тележка часто мне снится, но не могу сказать, чтобы я по ней скучал. Скорее наоборот, эти сны сильно напоминают кошмары.

– Не беда. Скоро они оставят тебя в покое, – пообещал Хромой Абдалло, рассеянно наблюдая за тем, как бывший тележечник один за другим отпирает многочисленные замки и засовы.

– Я знаю, уважаемый Абдалло, – сказал Ахмет и распахнул прорезанную в железных воротах низкую дверцу. – Я все это уже прошел. Даже талибы рано или поздно перестают сниться. Почти.

Пригнувшись, он первым переступил высокий порог, нашарил в темноте выключатель и зажег свет.

– Я тебя очень хорошо понимаю, друг мой, – сказал Хромой Абдалло. – Прошло уже очень много времени, но мне все еще иногда снится тот шурави, из-за которого меня уже двадцать лет называют Хромым.

Вслед за Ахметом он перешагнул порог, с любопытством огляделся и одобрительно кивнул.

– Я давно не видел здесь такого порядка, – заметил он. – Вижу, что не ошибся, остановив свой выбор на тебе. Ты привел в порядок бумаги, как я просил?

– Простите, уважаемый, – Ахмет низко склонил голову. – Я не успел закончить. Осталось на пару часов работы. Самое большее, на полдня.

– Понимаю, – сказал Абдалло. – Ты напрасно просишь прощения, Ахмет. Твой предшественник так сильно запустил дела, что я рассчитывал самое меньшее на неделю. Ты позволишь взглянуть?..

Ахмет с поклоном указал на небольшую застекленную будку, приткнувшуюся к стене ангара в глубине помещения. Здесь хранились папки с транспортными накладными и другими бумагами, требовавшими учета; здесь же стояли дощатый топчан с продраным грязноватым матрасом и электрический обогреватель, спасающий кладовщика в неотапливаемом жестяном бараке. Из будки еще не выветрился пропитавший ее насквозь горьковатый запах конопляного дыма, оставленный предшественником; разбирая папки с бумагами, Ахмет до сих пор время от времени натывался на припрятанные там и сям пакетики с травкой, которые сразу же выбрасывал в один из стоявших на улице мусорных контейнеров.

Войдя в будку, Хромой Абдалло недовольно потянул носом, укоризненно покачал головой и уселся на стул, который Ахмет предупредительно застелил свежей газетой.

– Я вижу, у тебя и здесь полный порядок, – сказал Абдалло, с удовлетворением озирая сложенные ровными стопками, аккуратно завязанные картонные папки с уже рассортированными бумагами. – Творить порядок из хаоса – дело, угодное Аллаху, дорогой Ахмет. Ты мне нравишься, уважаемый, потому что одинаково добросовестно и ловко управляешься как с тележкой, так и со всем этим бумажным хламом. Хотелось бы верить, что ты так же хорошо умеешь держать язык за зубами, как и поддерживать порядок на складе.

Ахмет почтительно склонил голову, но, когда он заговорил, голос его звучал твердо.

– Если у вас есть причины сомневаться во мне, уважаемый Абдалло, назовите их. А еще лучше – увольте меня прямо сейчас, пока...

Он замолчал, поняв, что чуть было не поддался на провокацию и не сболтнул лишнего.

– Пока ты не узнал слишком много, верно? – с улыбкой закончил Абдалло, не дождавшись продолжения. – Ты умен, Ахмет, а главное, быстро соображаешь. Это хорошо. Это очень хорошо, тем более что причин для взаимного недоверия у нас нет. Или я ошибаюсь?

Электрический чайник, который Ахмет включил, как только вошел в будку, негромко, но очень энергично забулькал, его прозрачная крышка покрылась изнутри капельками конденсата, и над ней за клубился горячий пар. Ахмет снял чайник с подставки, бросил в пузатый фарфоровый чайничек щепоть сухих блекло-зеленых листьев и залил их кипятком. По тесному помещению поплыл знакомый аромат.

– Тебе известен мой вкус, – заметил Хромой Абдалло, втягивая запах тонкими, изящно вырезанными ноздрями.

– Так, может быть, я опоздал с предложением меня уволить? – пошутил Ахмет. – Быть может, я и так уже знаю о вас слишком много? Впрочем, что касается чая, это не только ваш, но и мой вкус, уважаемый Абдалло. Простите, если это показалось вам нескромным.

– Перестань просить прощения на каждом шагу, уважаемый Ахмет, – серьезно сказал Абдалло. – Человек, умеющий отличить настоящий чай от свиного пойла, но пьющий помой из показной скромности – обыкновенный лицемер. Хороший чай недешев, но он по карману даже тележечнику, и лучше покупать его, чем дурман, превращающий человека в бессмысленного скота. Поверь, я очень рад, что наши вкусы совпадают даже в такой мелочи, как сорт чая.

Пока Ахмет готовил чай и наполнял пиалы, Хромой Абдалло бегло перелистал несколько папок с накладными. Движения его были нарочито небрежными, а вид – рассеянным, но темные глаза цепко бегали по строчкам, оценивая проделанную новым кладовщиком работу. Придраться не к чему: накладные были тщательно рассортированы по датам, поставщикам и разновидностям грузов.

– Ты хорошо справляешься, – констатировал Абдалло, откладывая в сторону папку и с благодарным кивком принимая из рук Ахмета горячую пиалу. – С той частью своих обязанностей, которой тебе приходилось заниматься до сих пор, – многозначительно добавил он, глядя на кладовщика поверх пиалы сквозь пар,

смешанный с дымом сигареты.

Сердце Ахмета забилося быстрее: он понял, на что намекает хозяин, и внутренне возликовал.

- Сегодня прибывает особый груз, - сказал Абдалло, закуривая новую сигарету. - Думаю, ты догадываешься, о чем идет речь.

- Не догадываюсь, - возразил Ахмет. - Просто помню.

Абдалло приподнял брови, а потом сообразил, в чем дело, и кивнул.

- Ах да, конечно... Только, прошу тебя, дорогой, больше никогда и никому об этом не рассказывай. Даже мне, договорились?

- Конечно. Я просто ответил на ваш вопрос, уважаемый Абдалло. А скажите...

Он замялся, не решаясь задать тот единственный вопрос, который волновал его в данный момент.

- Не знаю, - с сочувствием произнес Хромой. - Поверь, я действительно не знаю. Мне не дано этого знать. Я - посредник, обычный человек. Глядя, как в небе собираются тучи, я могу сказать, что вскоре может пролиться дождь. Но, Ахмет, я не могу обещать, что он прольется! На все воля Аллаха - Аллаха, а не старого Абдалло! Не я собираю и отправляю эти... э... грузы. Я их только принимаю и сразу же переправляю дальше. Еще я могу просить - не приказывать, а просить! - чтобы эти люди помогли погрузиться в транспорт тому или иному конкретному человеку. На основании переговоров с ними и своего немалого опыта я могу предполагать, когда человек, о котором идет речь, окажется здесь, у меня. Но утверждать это наверняка и, тем более обещать - нет, уважаемый Ахмет, этого я не могу. И знаешь почему? Потому что не желаю на старости лет прослыть лжецом, да еще и по чужой вине. Я даже не могу твердо обещать тебе, что помогу твоей семье легализоваться здесь, когда они приедут. Я попытаюсь помочь, и это все, на что я способен, ибо я и здесь выступаю только как посредник.

Ахмет привычно склонил голову и уже открыл было рот, но вспомнил, что Абдалло просил его перестать все время извиняться, и промолчал, ограничившись глубоким, полным печали и раскаянья кивком. Он не зря колебался, не осмеливаясь спросить о своей семье: Абдалло ответил раньше, чем собеседник собрался задать вопрос, и это был именно тот ответ, которого Ахмет боялся. Никто ни за что не отвечал, никто ничего не гарантировал; Ахмет это знал и все же надеялся, что хозяин его обнадежит. Что ж, значит, он хотел слишком многого и, забывшись, переступил черту. Хромой Абдалло напомнил о разделяющем их расстоянии и сделал это, надо отдать ему должное, не только умело, но и с деликатностью, которой при желании свободно мог бы пренебречь.

– На все воля Аллаха, Ахмет, – значительно мягче повторил Абдалло. – Нам, простым смертным, остается только уповать на его милость. Это так же верно для меня, как и для тебя.

– Я понимаю, господин, – не поднимая головы, сказал Ахмет.

– Вот и хорошо. Теперь так. – Голос Абдалло зазвучал жестко и деловито. – Когда прибудет груз... – Он заколебался, подбирая слова, и, наконец, раздраженно махнул рукой. – А, шайтан! Мы с тобой друг другу доверяем, поэтому я буду говорить прямо. Клянусь бородой Пророка, от этих иносказаний, того и гляди, язык завяжется узлом! Так вот, Ахмет, когда сюда привезут людей, при них будет кое-какой багаж, помимо обычного тряпья. Этот багаж надо принять, внимательно проследив за тем, чтобы он был сдан весь, целиком, и хорошенько спрятать здесь, на складе. Машина за ним придет только завтра к вечеру, и до тех пор с грузом ничего не должно случиться.

– Будет сделано, господин, – коротко ответил Ахмет.

Он догадался, что речь идет о контрабанде. Но что с того? Соглашаясь стать заведующим складом Хромого Абдалло, он знал, на что идет. Если Абдалло рискнул превратить свой ангар в перевалочную базу для нелегальных мигрантов, то почему бы ему не пойти дальше и не заняться контрабандой? Канал, по которому можно десятками переправлять через границу живых людей, пригоден для транспортировки любого другого товара, потому что люди – самый неудобный груз. Об этом можно было догадаться и раньше...

– Прекрасно. Да пребудет с тобой милость Аллаха, Ахмет, – завершая разговор, сказал хозяин. – А он действительно милостив. Надеюсь, ты убедишься в этом еще до наступления завтрашнего утра.

Проводив хозяина, Ахмет вернулся к наведению порядка в перепутанных прежним кладовщиком бумагах. Это была несложная, скучная, рутинная работа, но, занимаясь ею, Ахмет внутренне ликовал, поскольку очень хорошо понял, что означали последние слова Абдалло. Хозяин не хотел ничего обещать и был, конечно же, совершенно прав. Но он сжалился над Ахметом и дал ему надежду, намекнув на скорую встречу с семьей.

Опустив на заваленный бумагами стол очередную папку, Ахмет достал из внутреннего кармана потертое кожаное портмоне и вынул оттуда фотографию хрупкой миловидной женщины и черноглазого мальчика лет десяти. Эту фотографию он получил около года тому назад вместе с переданным с оказией письмом с родины и с тех пор берег как зеницу ока. Осторожно коснувшись кончиками пальцев родных лиц, Ахмет бережно спрятал снимок и вернулся к работе.

Он сортировал бумаги почти два часа, а потом вдруг прервал свое занятие и выпрямился, побледнев и чутко вслушиваясь в доносившиеся снаружи звуки. Ворчание автомобильных двигателей, шорох шин, шарканье подошв, людские голоса и, конечно же, неизменные, привычные, пронзительно-протяжные, как пение муэдзинов на минаретах мечети, крики тележечников: «Дорогу! Дорожку!»

Ахмет пожал плечами, глотнул остывшего чая и снова погрузился в работу, даже не подозревая, что на железнодорожном мосту, расположенном примерно в трехстах километрах южнее складского ангара Хромого Абдалло, все уже закончилось. Рыжий Мишка Ежов и его друг Витька-Страшила в этот момент бежали со всех ног, не разбирая дороги, куда глаза глядят, прочь от моста, под которым, запрудив неглубокую речку, чудовищной грудой исковерканного металла лежал сошедший с рельсов грузовой состав.

* * *

Борис Шестаков, или майор Боря, как за глаза называл его едва ли не весь личный состав части, от командира до последнего новобранца, жестом

отстранил уже открывшего рот для молодцеватого рапорта часового и толчком распахнул белую с матовым стеклом в верхней части дверь палаты. В узком помещении, до самого потолка выложенном пожелтевшим от времени, растрескавшимся кафелем, стояла всего одна железная койка. Окно с матовым стеклом было забрано прочной решеткой; в углу, вне пределов досягаемости лежавшего на койке человека, стоял простой тяжелый табурет, выкрашенный облупившейся белой краской.

На кровати лежал плотный, не первой молодости мужчина, чье смуглое и обветренное лицо сомнительно украшали черная с проседью борода и старый, неправильно заживший шрам, наискосок пересекавший губы. Левую половину лица закрывала белоснежная марлевая повязка: стараниями старшего сына Виссариона Агжбы, Григория, Железный Мамед теперь получил полное право именоваться Одноглазым – его левый глаз выскочил из орбиты от молодецкого удара прикладом по черепу. Ударь Григорий Агжба чуточку сильнее, и пророчество майора Шестакова сбылось бы – Железный Мамед сделался бы мертвым Мамедом, и толку от него, мертвого, не стало бы никакого.

Запястья Аскерова охватывали две пары наручников, прикрепленных к железной раме кровати. Вряд ли это создавало для него дополнительные удобства, но здесь, в госпитале, это никого особенно не волновало – никого, кроме самого Аскерова, разумеется. Входя в палату вслед за Шестаковым, Глеб Сиверов вспомнил, как в самый первый день своего пребывания здесь, едва придя в себя и еще не до конца разобравшись в ситуации, Железный Мамед вздумал пожаловаться на наручники врачу. Хирург, подполковник медицинской службы, прошедший все горячие точки, начиная с Афганистана, оскалив в ласковой улыбке крупные железные зубы, проникновенно ответил: «Надежно зафиксированный пациент не нуждается в анестезии». Затем, повернувшись к Аскерову спиной, добрый доктор затеял с присутствовавшим здесь же Глебом громкую и оживленную беседу о том, что клятва Гиппократова в наше время морально устарела и что в нее следовало бы внести дополнительные пункты, разрешающие врачам не лечить военных преступников, а ставить на них медицинские опыты. Слушая его, Аскеров презрительно кривил обезображенные шрамом губы, но на наручники с тех пор не жаловался: до него наконец-то дошло, где он, как сюда попал и какие чувства испытывают к нему окружающие.

При воспоминании о том, как сюда попал Мамед Аскеров, по прозвищу Железный Мамед, по спине у Глеба опять забегали мурашки. В тот момент он мог думать только об одном – о том, что вот сейчас один из этих братьев-разбойников,

продолжателей славного и воинственного рода Агжба, устанет орать и глумиться и просто откроет огонь, в два счета превратив надежду на успешное завершение операции в пшик, в безответное кровавое месиво, которое останется только зарыть в землю, чтобы не смердело. Поэтому он оставил Борю Шестакова одного, предоставив ему и дальше препираться с непреклонным старым Виссарионом, и молча, с пустыми руками спрыгнул в яму, где, сбившись в кучу, как овцы, ждали неминуемой смерти Мамед Аскеров и его бойцы. На краю ямы, не прекращая выкрикивать яростные ругательства, стояли сыновья старого Виссариона – пять разъяренных гигантов с наведенными на пленников автоматами и нервно тискающими спусковые крючки указательными пальцами. «Он мне нужен», – не оборачиваясь, через плечо, сказал Глеб наведенным ему в затылок автоматным стволам, взял Аскерова за воротник и потащил из ямы, даже не зная, услышали ли его, и не рискуя строить предположения о результатах этой безумной выходки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/voronin_andrey/slepoj-tropoyu-belogo-d-yavola

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)